

ТИЛИППО
ТОММАЗО
МАРИНЕТТИ

СТАЛЬНОЙ
АЛЬКОВ

Филиппо Томмазо Маринетти

Стальной альков

Книжный магазин "Циолковский"

1921

УДК 821.131.1-31
ББК 84(Ита)53-44

Маринетти Ф.

Стальной альков / Ф. Маринетти — Книжный магазин
"Циолковский", 1921

ISBN 978-5-6041822-0-8

Первый тираж этой книги, вышедшей в 1921 году, был сразу же уничтожен из-за сверх-откровенной по тем временам обложки. Такими обложками сейчас уже никого не удивить, но текст по прежнему ошарашивает и поражает. Лейтенант Маринетти, командир бронемашин, вместе со своим экипажем и личной собачкой Заза участвует в завершающем этапе Первой Мировой войны на Итальянском фронте – битве при Витторио-Венето, в результате чего австро-венгерская армия прекратила свое существование. В этом романе пулемёты сменяют поцелуи, действуют различные нечеловеческие силы, искрящиеся футуристические фрагменты смешиваются с хладнокровными описаниями быта войны, юмор и героизм, бесконечные очереди пуль и уханье взрывов, страстные стоны и хрип умирающих – все это описано в неподражаемом стиле основателя футуризма. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(Ита)53-44

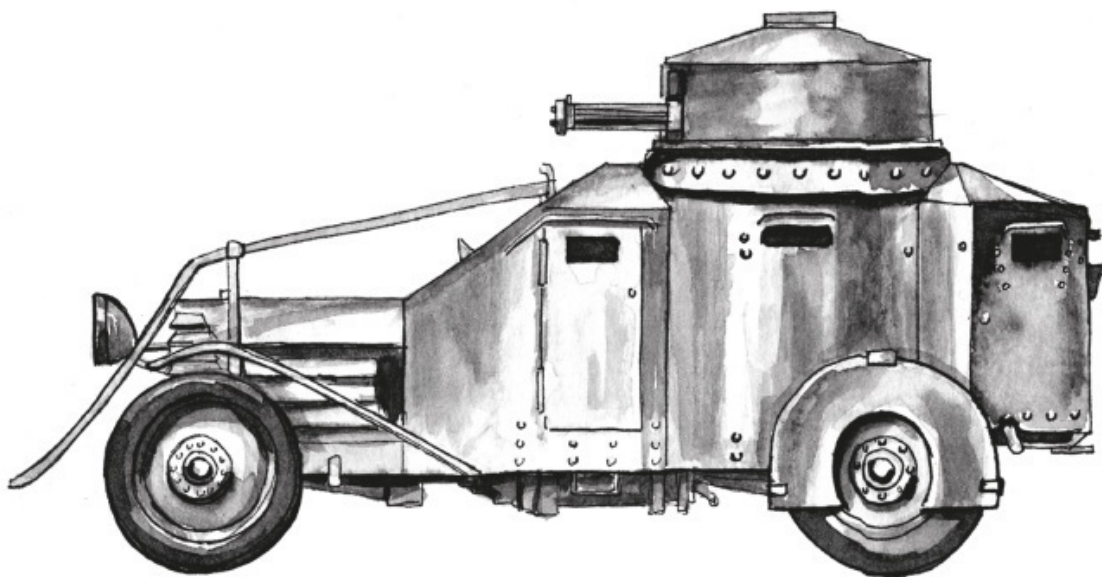
ISBN 978-5-6041822-0-8

© Маринетти Ф., 1921
© Книжный магазин
"Циолковский", 1921

Содержание

I. Любовное наступление	6
II. Дама на балконе и прерванные серенады	15
III. Химическая атака и голубое сияние	19
IV. Женщина-приз	24
V. Сумасшедший	31
VI. Морская футуристическая экспозиция	33
VII. 74-ка	37
VIII. Лунные экипажи высаживаются в Рапалло	39
IX. Отвратительная каптёрка	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Филиппо Томмазо Маринетти Стальной Альков

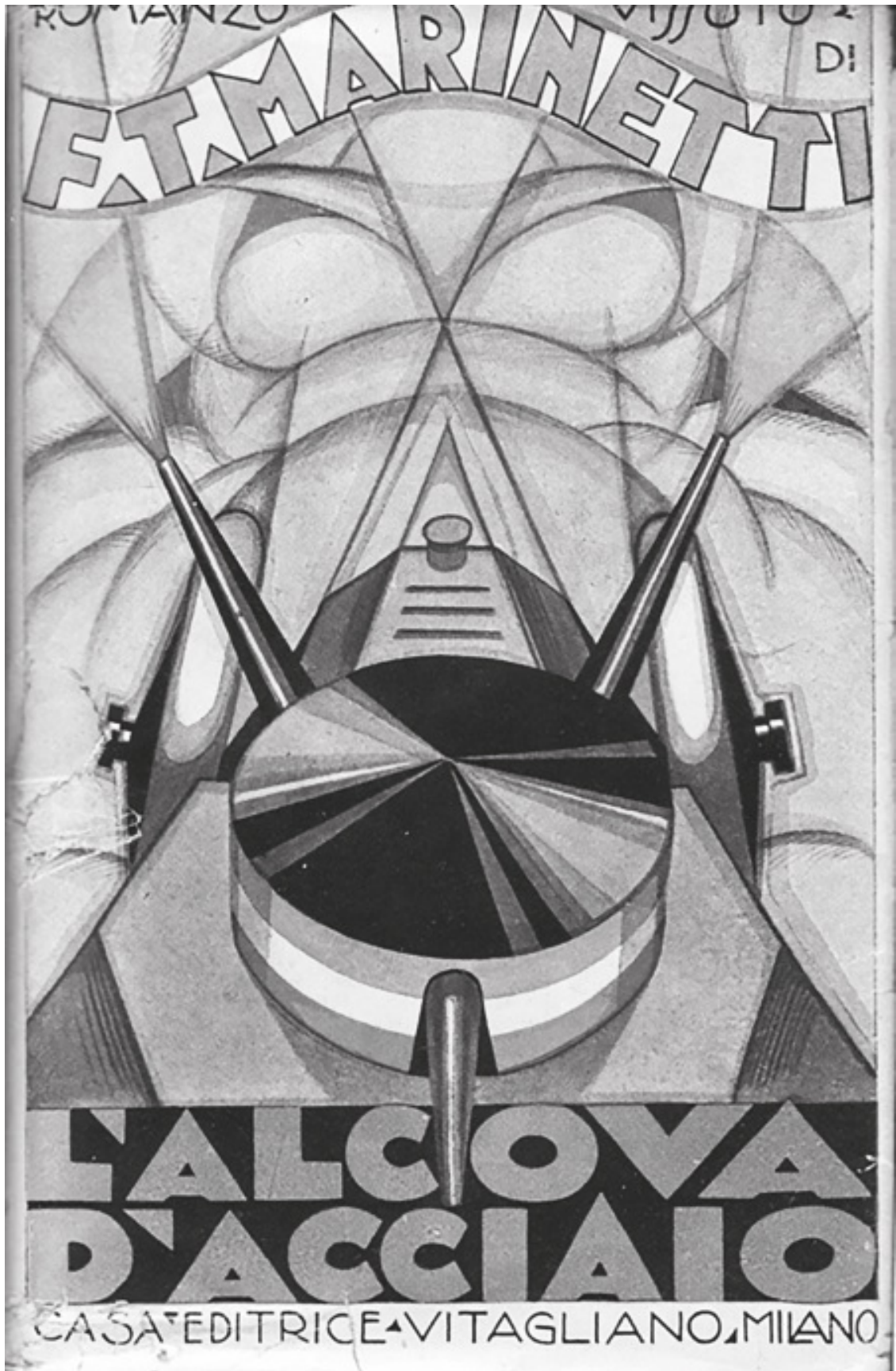

© ООО «Книгократия», 2019

© Ирина Ярославцева, пер. с итал., 2018

І. Любовное наступление

Вечером первого июня 1918 г. в артиллерийском бараке, дерзко прилепившемся на самом краю горного хребта Валь д'Астико¹, всю пировали. Длинные-предлинные багровые вилы заката скрещивались с нашими вилками, наматывающими кровавые дымящиеся спагетти. Человек двадцать офицеров, лейтенанты, капитаны с довольным и напыщенным полковником Сквиллони во главе стола. Голодные артиллеристы после целого дня тяжёлой работы. Религиозное безмолвие ртов, сочно пережёвывающих молитвы. Склонённые над тарелками головы. Однако самых молодых не устраивало молчание, им хотелось смеяться, двигаться. Зная о моём пристрастии к розыгрышам, они бросали на меня красноречивые взгляды. Слишком тихо за столом, а добрый доктор уж слишком глубоко погружён в ритуал поедания макарон.

Я делаю несколько торопливых глотков, затем встаю и, размахивая вилок с намотанными на неё спагетти, громко говорю:

– Чтобы не притупилась наша чувственность, всем передвинуться на два места вправо, марш!

Затем, кое-как подхватив тарелки, стаканы, хлеб, нож, я грубо пинаю своего соседа справа, который нехотя уступает, передвигая своё имущество, и в свою очередь толкает сидящего справа от него. Молодёжь охотно выполняет приказание, только доктор пыхтит, ворчит, бранится. Его с трудом поднимают. Тарелка с макаронами опрокидывается ему на китель. Падают стаканы. Разливается вино. Взрывы смеха, крики, галдёж. Все толкают доктора, сдавливают его, как кисть винограда. Его вопли тонут в общем шуме.

Обуздывая гвалт, я командую:

– Перемещение закончено! Всем сесть! Но горе, горе тому, кто опять притупит свою чувственность. А ты, дорогой доктор, не забывай, что гибкость это высочайшая и ценнейшая из добродетелей. Как бы ты мог, без гибкости, лечить нарывы, мозоли, сифилис, отит, или размягчение мозга у начальства? С гибкостью мы оставили Карсо² вслед за Капоретто³, отступая, мы смеялись, в то время как сердце обливалось кровью. Как мы сможем, без гибкости, разгромить австро-венгерский пассатизм⁴ и полностью возродить Италию после победы? Поверь, дорогой доктор, без футуристической гибкости ты скатишься в пассатизм! Я продолжаю, прикидываясь, что угрожаю ему:

– Чтобы не притупилась наша чувственность, всем взять в руки тарелки и стаканы! Вокруг стола шагом марш!

Поднимается адский шум. Пинки, резкие толчки, «Хватит!», «Заканчивайте!», удары, падения, «Караул!», вихрь, барабанная дробь и неразбериха. Однако молодёжь упорствует и, толкаясь, продолжает беспорядочно кружить вокруг стола. Полковнику очень нравится эта странная забава. Только доктору не весело. Кстати, а где доктор? Где он? Все отправляются на поиски. Он сбежал на террасу с тарелкой макарон.

Вперёд, вперёд, на приступ! Обед заканчивается беспорядочно, кое-как, под раскаты нашего смеха и взрывы рыжего закатного хохота. Раскалённые стеклянные облака, пенящиеся золотистые бутылки, нагромождения фарфоровых фиолетовых перистых облаков, светящееся воздушное пиршество, повисшее над сумрачной венецианской равниной.

¹ Валь д' Астико – коммуна в Италии, располагается в провинции Виченца области Венеция (здесь и далее примечания переводчика Ирины Ярославцевой).

² Карсо – скалистое плоскогорье на северо-востоке Италии, расположенное на границе со Словенией и Хорватией и находившееся в то время в составе Австро-Венгерской монархии. Националистическое и ирредентистское движение в этом регионе стали одной из причин вступления королевства Италия в I Мировую войну.

³ Капоретто – коммуна в западной Словении на границе с Италией. Битва при Капоретто, или двенадцатая битва на реке Изондзо происходила 24 октября – 7 ноября 1917 г. между королевскими вооружёнными силами Италии и австро-венгерскими и немецкими войсками.

⁴ Пассатист (passatista ит.) – приверженец, сторонник старого; традиционалист.

Окружив доктора, мои друзья распевают шуточный гимн футуристов:

*Ура ура ура пик пик
Ура ура ура пак пак
Маа – гаа – лаа
Маа – гаа – лаа
РАНРАН ЗААФ*

Так они сражались с ностальгией.

Накануне крупного неприятельского наступления итальянским солдатам часто приходится отражать гораздо более опасное наступление; это наступление Любовных Воспоминаний. Мы чувствуем их незримое присутствие над нами и в нас, в наших сердцах и на наших губах, в этот вечер, посреди лёгких вееров розоватых небесных перьев и в любовных потоках нашей горячей крови. Я сидел вместе с полковником Сквиллони, капитаном Мелодией, лейтенантом Боской и моим денщиком Гьяндуссо, примостившись на отвесном краю обрыва.

Вслушиваясь, мы молча глотаем острую вечернюю свежесть, живо напомнившую дорогие арабские напитки, насыщенные ароматами специй и цветов. Внизу раскинулись города, разбросанные по необъятной венецианской равнине. Под нами Милан. В этот час, бурлящий ломбардский город после изматывающей ожесточённой работы уже зажёл все свои голубые огни, пристально и неотрывно вглядываясь глазами окон в извилистую линию фронта.

Все его 800.000 душ выволокли на булыжную мостовую свои обессиленные убогие и алчные тела, чтобы подняться как можно выше и смотреть, смотреть. Выше, выше, сбиваясь в большие разноцветные гроздья, карабкаются души, как воздушные шары, вырвавшиеся из детских рук. Наконец, они смогли рассмотреть, или хотя бы представить себе то, что делали их братья, отцы, женихи и любовники, как они сражались и страдали там, внизу.

Я разговариваю с Зазё, своей походной собачкой, рыжей бестией, проворной и умнейшей дворняжкой, родившейся в деревушке на берегу Пьяве⁵ от чистокровного фокстерьера и бродячей собаки. Один из тех длинных нежнейших абстрактных разговоров, наполненных непритязательной философией, который ведут между собой двое разнополых животных, одно из которых добровольно забыло о своём гении, чтобы быть просто собакой. Я ощущаю себя собакой, щедро дарящей свою верность во имя сияющей Италии, которую с Ченджо⁶ мы видим во всей её прекрасной нагоде, спящей, раскинувшись посреди морей, чьё солёное дыхание, доносимое бризом, мы время от времени ощущаем на губах.

Мои друзья откровенничали вполголоса, обмениваясь своими любовными воспоминаниями. Я раздумывал о своём возможном броске на АМВ⁷ и мечтал о прекрасной сверхбыстроходной бронемашине, чтобы преследовать австрийцев, которые должны были вскоре начать своё большое наступление. Мой оптимизм более чем когда бы то ни было, был настроен на окончательную победу. Мысль о смерти никого не волновала.

⁵ Пьяве (итал. Piave) – река в северной Италии.

⁶ Ченджо (итал. Cengio) – коммуна в Италии, располагается в регионе Лигурия, в провинции Савона.

⁷ Auto mitragliatrice blindata (ит.) – бронеавтомобиль (autoblindo Ansaldo-Lancia IZM). Самым массовым итальянским бронеавтомобилем, своего рода «визитной карточкой» итальянской колёсной бронетехники Первой мировой войны, стал БА «Лянча». Их было построено достаточно много, и они использовались против австрийских и позже немецких войск. Сделала его фирма «Ансальдо» из Турина, взяв за основу лёгкий грузовик на пневматических шинах со сдвоенной задней парой. Толщина бронелистов из хромоникелевой стали спереди достигала 12 мм, а по бортам – 8 мм, чем мог тогда похвастаться не всякий танк. Однако самым необычным в этом БА была его двухъярусная башня. Причём в большой, нижней башне, находилось сразу два пулемёта, а в верхней, маленькой, с независимым вращением – один. Это давало возможность широкого манёвра огнём и позволяло не только обстреливать одновременно две разные цели, но и концентрировать очень сильный огонь на одной. Пулемёты использовались двух типов: французские «Сент-Этьен» калибра 8-мм, и собственно итальянские «Фиат-Ревелли» образца 1914 года. Другой оригинальной особенностью этого БА были «рельсы» для резки колючей проволоки, установленные над капотом, чтобы проходить через проволоочные препятствия, натянутые поперёк дороги.

Капитан Мелодия, худое и язвительное лицо, лукавые томные глаза богатого римского синьора, кавалерийского офицера, добровольно пошедшего в артиллеристы из любви к опасности и из уважения к отцу сенатору. Пылкая душа, преисполненная весёлого безумия и дерзкого шутовства. Он прославился своей эксцентричностью и оригинальными выходками. Терзаемый гонимостью, он должен был перед войной пойти в госпиталь, или хотя бы проинструктировать своих солдат. Вместо этого он предпочёл инструктировать их на плацу и командовать своим эскадром, сидя в мотоциклетной коляске рядом с ординарцем. Он размахивал хлыстом, который сжимал в правой руке, в то время как управлял конём, держа вожжи левой. В другой раз, будучи направлен на службу в полицию где-то в Романье, он выдал себя за принца крови, обрюхатил дочку мэра и произвёл смотр, затем были день единства Италии, пожарные, объединения рабочих и карабинеры. Получил два месяца тюрьмы.

Сейчас Мелодия, услышав разговоры о смерти, властно вмешался в разговор:

– На войне я никогда не боялся смерти. Уверен, что я не погибну в следующем сражении. Хотя страх смерти мне знаком... Я испытал его вдалеке от передовой, в поистине чрезвычайных обстоятельствах. Год назад я лежал с ранением в туринском госпитале. Я уже выздоравливал, охваченный безумной жадой развлечений при абсолютной невозможности выйти из госпиталя. Запреты и строгости зверские. Я три дня думал, как бы сбежать. На четвёртый меня осенило: я зашёл в покойницкую. Санитары спорили, стоя над огромным трупом альпийского стрелка⁸, не помещавшемся в слишком коротком гробу. Я тоже помогал. Напрасные старания. Слишком короткий гроб отставили в сторону, и санитары ушли за другим. Между тем, я заручился поддержкой друга и решился. Той же ночью я проник в покойницкую и улёгся в слишком коротком для стрелка, но подходящем для меня гробу. В то время, как я, лёжа в гробу ругался, чтобы друг не слишком шумел, тот забивал гвозди в крышку, оставив длинную щель, через которую я мог дышать. На заре случилось то, что я предвидел. Носильщики машинально подняли меня, понесли и грубо бросили в повозку. Расхлябанная телега, которую волокли две клячи, дважды или трижды пересекла трамвайные рельсы с резкими толчками, отбившими мне все внутренности. Вдруг я слышу свирепый автомобильный сигнал. А что же мой кучер? Конечно, уснул. Как меня пронесло? Там было ещё два автомобиля, которые потащили меня за собой, дальше..., и я завопил от ужаса! Я чувствовал, действительно, чувствовал ледяной и острый страх смерти.

Рассказ капитана Мелодии о пережитом приветствовали громкими возгласами.

Все знали, на что он способен. Однако взрывы смеха смолкли под щедрыми, слишком нежными ласками ночи, которая, после атаки любовных воспоминаний и чувственных облаков, внезапно обрушила на нас безумное наступление звёзд, способных затмить собой любой земной героизм. Звёзды, звёзды, звёзды, дразнящие своими длинными белыми трелями громаду гор, восторженное напряжение вершин и атлетическую статью нашего бравого полковника Сквиллони, стоящего перед нами.

Сквиллони это сорокалетний симпатяга, хитрый флорентиец. Копна волос маловата для его довольного смелого лица. Голубые глаза простодушно шаловливые. Бурные жесты контрастируют с адресованной всем открытой улыбкой. Энергичный отец-командир для обожающих его артиллеристов.

Завсегдатай кафе в Виченце, Тьене, С্কьо, где он, мускулистый, грудь колесом, прохаживался туда-сюда с целым цветником наград, ловя обращённые к нему улыбки кокеток и обмениваясь с ними смешками, которые тотчас же сменялись выражением воинской отваги.

⁸ Альпийские стрелки – воинские части (соединения) в итальянской и французской, а в период, ограниченный началом первой и концом второй мировых войн, и немецкой армиях, предназначенные для ведения боевых действий в горной местности.

Красавец, пользовавшийся успехом у женщин из хорошего общества; возможно, разочарованный, теперь любимый любовник всех проституток.

Он пел для них, аккомпанируя себе на гитаре, раздражаясь, если кто-нибудь пел вместе с ним. Великолепный офицер, четырежды награждённый, прекрасный командир батареи, весёлый и карнавальным король борделей.

Сквиллони поворачивается и важно обращается к Италии, к городам на равнине, к нам: «Мне не нравятся звёзды, также как розоватые облака, напоминающие вашему брату поэту женские сиськи и ляжки. Завтра, сынки, идём принимать ванну из плоти к Мадам Розе».

На следующий день все в хозяйственном грузовике, через Кампьялло и Моссон до Триеста, оглушённые триумфальными взрывами смеха полковника Сквиллони, везущего нас по направлению к тому, что он назвал уникальным раем!

Усилие мотора на подъёмах *вруу труу вруу труу*. Затем растянутый выдох на спуске *враааа сваааа ерр тлинг тлаанг*.

Пылища. Запах смерти в Кампьялло. Траншеи, переполненные трупами после первого австрийского наступления. Здесь мы ожесточённо защищались.

В километре от госпитального здания нас обгоняет военный автомобиль, мчащийся на полной скорости, может быть, с той же целью. Его сирена старательно имитирует рёв влюблённого осла.

иии ооо иии ооооо

Мы обгоняем мелкие взводы шотландцев в юбочках, грубые ноги с бронзовыми шишковатыми икрами. Они маршируют размеренным шагом, более торопливым, чем военный шаг, вперёд, на завоевание лёгких радостей. Быстро, беспорядочной серо-зелёной гурьбой, офицеры и солдаты.

Стоп. Заходим в прелестную виллу. Для офицеров. Дым, дым, дым. Дышать нечем, лейтенанты и капитаны в серо-зелёном, грубые крутые парни, грязные свиньи, с хлыстиками и тросточками в руках, позвякивание шпор, как в твиндеке⁹ трансатлантического парохода.

Все дамы казались нам прекрасными, изящнейшими, слишком хрупкими. Странные стеклянные статуэтки среди крупных нахрапистых и дрожащих от вожделения воинов.

Полковник Сквиллони выглядел именинником.

– Вы... я уже имел удовольствие познакомиться. Помнится, в борделе Червиньяно, после майского наступления.

– Господин полковник, вы помните Мадам Розу в Кормонсе¹⁰? Она сказала: Передай привет дорогому Сквиллони!

Встревает пьяный английский капитан:

– *Moi aussi, monsieur le colonne! je vous ai connu au bordel de Verona*¹¹.

Сквиллони смеялся, как студент или моряк, от души наслаждаясь борделем, пристанью, желанной для всех сердец, брошенных в водоворот войны. Абсолютное слияние и сердечность союзных народов и полов.

Первая комната: в распахнутом дверном проёме, у портьеры толпятся *звёздочки в ожидании аэропланов*. В центре лампа с тёмно-синим абажуром, отбрасывающая на стол серьёзный и учёный круг света. Лучи напряжённой духовной работы, освещающие инженерные проекты. Похоже на научную лабораторию, подготовленную к бессонным и плодотворным бдениям. В каком диком кошмаре одержимые похотью толпы заполнили этот приют размышлений? *Тин тин ток плок* шагов по деревянной лестнице. Толстый пехотный лейтенант, с волнообразно колышущимся, упакованным в обмундирование и обвешанным оружием телом, подталкивает,

⁹ Твиндек (английский tween-deck, от between – между и deck – палуба), межпалубное пространство на судне.

¹⁰ Кормонс (итал. Cormons) – коммуна в Италии, располагается в регионе Фриули-Венеция-Джулия, в провинции Гориция.

¹¹ Я тоже, господин полковник, встречал вас в веронском борделе – фр.

как пастырь заблудшую овечку, раскрашенную полуголую женщину, которая, как кажется, поднимаясь, наряжается в зелёные листья и маки с обоев. Истощённая блондинка, которую все, неизвестно почему, называют пантерой, ловко уворачивается от толчков крутых бёдер и твёрдых пистолетов офицеров. Все смотрят вверх, по направлению к коридору, где то и дело закрываются двери в тускло отсвечивающие хирургические палаты для быстрых операций. Механизация любви. Я ощущаю, как вибрирует здание от непрерывного механического движения грубых обнажённых поршней всех наций. Неутомимые женщины-моторы.

Ураган грохота, голосов, света.

Урари-чачипьера-телоо... Этим вечером я ещё девственница... Не верю. Пойдём, позабавимся, блондинчик. Куда делся толстяк?..

Да здравствует наш полковник Сквиллони! Раздаются смех и аплодисменты, все устремляются к дивану, где капитан Мелодия, напялив на себя жёлтый капот, обнимает лейтенанта Боску, делая вид, что помогает его. Затем начинается традиционная забава, когда одни хватают и насильно вталкивают в комнату самого робкого и нерешительного из посетителей борделя, пока другие ловят девушку. Обоих грубыми пинками заталкивают в полуоткрытую дверь.

– Давай, давай, быстрее, сильнее, глубже! Мы выбрали для тебя славную крошку, вот она, готова!

Меня целует бледная хорошенькая миланка с короткими тёмными густыми и непослушными волосами, зачёсанными назад. Следую за ней. Тесная комнатуха с большой кроватью, на которой неровно топорщится рыжеватое покрывало, сплошь измаранное ногами героев, возможно, продолжающих и имитирующих на нём бои за утраченные долины Карсо. Они снова и снова идут на приступ со здоровым мужеством расы, хорошо знающей как удерживать женщин и свои горы. Пустой потолок. Острый аромат «Контецца адзурра»¹².

– Как тебя зовут?

– Мария.

– Откуда ты?

– Из Милана.

– Я тоже.

– Останешься доволен.

И она обнимает меня с *тин-тин-глин-глин* своих бесчисленных браслетов.

Когда я возвращаюсь в залу, мой друг говорит Марии, что я Маринетти. Оставив нового клиента, Мария подходит ко мне, целует и говорит:

– Если бы я знала, что ты прославленный футурист, то целовала бы тебя особенными поцелуями.

– Почему?

– Потому что я прочла все твои книги. Я даже была подписана на «Лачербу»¹³.

Я ухожу. Там, за дверью я вижу троих солдат, разговаривающих у окна с проституткой. Они держатся за руки, как маленькие, нерешительно шутят, смущаются. Проститутка спускается. Подходит к солдатам. В спешке она суёт по 5 лир каждому из них, затем, вновь проходя мимо меня в сопровождении солдат, бросает:

– Бедняжки.

Я направляюсь к грузовику, обращаясь к Сквиллони:

– Бордель! Последнее прибежище сердца!

¹² Contessa azzurra – Голубая графиня (итал.) духи, не имевшие натурального аромата, но возбуждавшие чувственность. Само название «Azzurra» служило данью уважения Савоие, хотевшей завоевать Ливию в период, когда Италия стремилась к территориальной экспансии, завоёвывая колонии в Африке.

¹³ Lacerba – итальянское литературное обозрение, основанное во Флоренции 1 января 1913 г. Джованни Папини и Арденго Соффичи.

– Несомненно, – отвечает Сквиллони, – бордель имитирует решение всех любовных проблем. Я верю, что, в конце концов, вы отразите наступление чувственной ностальгии.

– Нет, я думал не о любви. Напротив, я выстраивал в уме архитектуру своей новой книги, которая окажется великолепной, будьте спокойны.

Я хочу, чтобы эта книга живо и трепетно танцевала, танцевала, танцевала, отбивая ритм в руках читателя. Я хочу, чтобы её безумный любовный и героический танец превратил руки читателя в проворные руки фокусника. Чтобы она заставила его вскочить с кресла, вытянуться, привстать, танцуя, на цыпочки, охваченного внезапным порывом, заставляющим его соревноваться в дерзкой эквилибристике с диким ритмом моей книги. Какой восторг будет увидеть его в вышине, танцующим почти в ритме неожиданного источника радости, быющего ключом из его сердца. Внизу его встретят с распростертыми объятиями.

Однако я имею в виду гениального читателя, исполненного духовного мужества! Со звериной жестокостью моя книга расквасит нос трусливому, кислому и очкастому пассатисту, трясущемуся от страха за своими стёклами, подобно микробу под микроскопом. Она бешено отскочит рикошетом, отвесив ему оплеуху.

Зато с какой смеющейся весенней благодарностью она распахнётся перед живыми глазами гениального читателя, чтобы наполнить ему душу! Я так и вижу, как белые края моих страниц мягко вздрагивают и радужно переливаются, подобно драгоценному муару со стальной убедительностью, а манящие красновато-голубые морские блики скользят, скользят, скользят по направлению к круглому и красному диску властного закатного солнца. Так моя книга следует советам моря, она плывёт под белым парусом вслед за солнцем, которое опускается, подгоняемое дуновениями гордости и смерти, в свою мягкую постель, устланную мягкой мглой.

Разорвите и сожгите эту мою книгу. Она возродится из пепла. Я верю, что если однажды вам наскучит сидеть взаперти в четырёх стенах, то вы непременно сбежите, сбежите из неизбежных библиотек, устремившись в небо на распахнутых крыльях страниц. Под действием их жара вы превратитесь в аэроплан, похожий на тот, что планирует и кружит, жужжа над моей головой, в то время как я вступаю в форт Корбин ¹⁴ в Валь-Д'Астико.

Сегодня 11 июня 1918.

Я лейтенант артиллерии, исполнивший свой долг. Однако я не чувствую себя достойным тебя, моя любимая книга. В то время как моё сердце бьётся ровно, мой шаг сбивается с ритма. Я иду нерешительной нетвёрдой колеблющейся поступью раненого, в такт мучительной колющей боли в ужасной открытой ране в боку. Это рана, полученная в сражении при Капоретто ¹⁵, огромная мучительная гниющая рана, которая во что бы то ни стало и как можно скорее должна быть до краёв заполнена кипящими потоками благороднейшей алой крови, своим мрачным лиловым цветом напоминающая бочки, опустошённые пьяными беглецами, омерзительные пьяные зажигательные бомбы в Червиньяно ¹⁶ и гнилой фиолетовый ускользающий закат 27 октября. Исцелить, исцелить эту рану! Мы её исцелим. Я шагаю уверенно. Предстоит великая битва, и всё моё существо устремлено к этому решающему часу, когда родится новый итальянский шаг, тот самый, которым мы маршировали позавчера в Карсо, упругий, неотвратимый, подчиняющий себе благородные, элегантно женственные дороги Италии.

¹⁴ Довольно хорошо сохранившийся форт Корбин расположен на отвесе скалы над долиной на высоте 1077 м над уровнем моря, он не играл первостепенной роли в событиях Первой мировой войны. На самом деле он больше служил в качестве тыловой опоры и взаимодействовал с расположенным ниже фортом Ратти и другими итальянскими фортификационными сооружениями, такими как, например, форт Верена и Камполонго.

¹⁵ Битва при Капоретто (Caporetto ит.) между итальянскими и австро-венгерскими и немецкими войсками, происходившая 24 октября 1917 г., в которой итальянская армия потерпела тяжёлое поражение.

¹⁶ Червиньяно (Cervignano – ит.) – коммуна в Италии, располагается в регионе Фриули-Венеция-Джулия, в провинции Удине.

Я сидел за столом знаменитых Джалли из Подгоры¹⁷, 11-го пехотного полка, бригады Казале в форте Корбин. Весёлый шумный обед. Около тридцати офицеров жадно поглощали в тесноте кроваво-красные спагетти, рассуждая об ожидавшемся вскоре австрийском наступлении. Джалли из Подгоры украсили зал жёлтыми цветами. Хотите, я расскажу о вас, дорогие Джалли, о вашей минувшей славе, а также о той, что ожидает вас в будущем?

Охотно! Доверьтесь мне. Я знаю, что своим порывом вы сумеете добавить к желтизне беспредельной итальянской желчи пурпур оглушительных залпов окончательной победы!

Давайте поднимем тост во славу Боччони¹⁸, Сант'Элия¹⁹ и остальных футуристов, первых среди всех итальянских интервентистов²⁰.

Мои слова, как гром небесный, свободно проникают сквозь открытую дверь зала на террасу и там смешиваются с глубоким свежим дыханием Астико²¹. Отзвуки воспетой мной болгарской битвы, кажется, разбудили австрийские батареи в Тонецце²², и звук их приветственных аплодисментов вплетается в многоголосие горного эха и бесконечный оркестр его прихотливых повторений. Мы выходим на огороженную террасу форта, на самом краю отвесного склона, над долиной, простирающейся внизу, на глубине свыше тысячи метров. Затем поднимаемся на самый верх железной лестницы, среди развалин и обломков стальных сводов, бесполезных в полуразрушенном форте.

Трепетная розоватая нежность сумерек заполняет долину, заливает золотым маслом суровые хребты, гротескные выпячивания, враждебные изгибы, мятежные волны и окаменелые вспучивания гор.

Наши полевые 75-миллиметровые пушки яростно отвечают австрийским фортам в Тонецце...

Горная терраса напоминает капитанский мостик броненосца, в сумерках рассекающего шелковистые, голубовато-сиреневые, золотистые воды при входе в спящий залив посреди охваченных дремотой гор.

Это наш 149-й в Ченджо²³ бьёт по австрийским баракам на горном хребте Чимоне²⁴. Там вспыхивает пожар. Безмятежная медлительность его дыма, который поднимается, колеблясь и извиваясь, с грацией первой звезды.

Брааааа. эха, как шорох щебня. Отдалённое тишайшее жужжание аэроплана, поглощённое последним закатным румянцем. *Чип-чип-чип* птиц в вздрагивающих деревьях. *Пи, пи, пи.* цыплят и кур под воротами форта.

Майор Санния приглашает меня в подземелья форта.

Длинные тюремные коридоры. Винтовые лестницы с амбразами лазурного ветра. Наши шаги отдаются эхом. Педали органа продлевают отдалённую канонаду. Тёмное помещение со странными движениями морских водорослей. Это спящие солдаты. Ещё одно помещение:

¹⁷ 11-й пехотный полк «Казале» – подразделение итальянских войск, расквартированное перед расформированием в Казале Моферрато, в то время как в годы Первой мировой войны он располагался в Форли и получил известность как Форлийский полк. Во время войны его бойцы прославились под именем Джалли из Кальварио из-за жёлтого (giallo – жёлтый ит.) цвета их петлиц и мужества, проявленного ими при захвате Монте Подгора, которую иначе ещё называют Монте Кальварио.

¹⁸ Умберто Боччони (Umberto Boccioni), 19 октября 1882–17 августа 1916, итальянский художник и скульптор, представитель футуризма.

¹⁹ Антонио Сант'Элия (Antonio Sant'Elia), 30 апреля 1888–10 октября 1916, итальянский архитектор и художник, представитель футуризма.

²⁰ Интервентист (interventista – ит.) – (иначе интервенционист) сторонник вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты.

²¹ Астико (Astico) – река, протекающая по одноимённой равнине между Трентино и Виченцей.

²² Тонецца (Tonezza) – город в провинции Виченца, в Венето.

²³ Ченджо (Cengio) – город в провинции Савона, в Лигурии.

²⁴ Гора Чимоне (Cimone) расположена на территории северных Апеннин в итальянском регионе Эмилия-Романья. Высота горы – 2165 метров.

переполненное, вонючее, аммиачное, дикое. Наконец, при свете желтоватого пламени нагоревшей свечи мы подходим к огромным сонным тюкам, пахнущим трюмом.

– Эй, вставай! – говорит майор, встряхивая одного из спящих.

Это австрийский перебежчик. Угадываются маленькие голубые глазки на белобрысом лице. Краткий допрос. Принадлежит к ударной группировке, говорит по-итальянски, называет себя словаком. Работал в Италии на пивоваренном заводе.

– Почему ты дезертировал?

– Потому что лейтенант надавал мне вчера оплеух. Каждый вечер патруль. Я устал.

– Австрийское наступление готовится, не так ли?

– Да – уже и день определён – это 15 июня, в полтретьего, от Астикко до моря, но главная атака будет в центре.

– Тебя накормили?

– Да.

Снова поднимаемся вверх. На террасе под ликующие трели первых звёзд, посреди необъятных свежих опахал Астикко, уверенно пульсирующих, как кровь сильного человека, майор Санния говорит:

– Учитывая состояние двух армий, можно утверждать, что та из них, что решится начать генеральное наступление и проиграет, потеряет всё... Насколько отличаются наши дезертиры! В нашей бригаде лишь три солдата были расстреляны за дезертирство. Один только ушёл с передовой, как был немедленно доставлен патрулём ко мне и расстрелян в трёх шагах от австрийских проволочных заграждений. При себе у него было письмо, объяснявшее его дезертирство, действительно странное, учитывая его безупречную службу. Он писал жене: «Я не застрелюсь от горя. Завтра я сдамся в плен австрийцам. Так я сохраню свою шкуру, чтобы после войны разбить тебе сердце и отплатить за твою измену...» Второй дезертир был схвачен карабинерами, в то время как он бежал с передовой. Он сказал: «Я бежал не из страха. Плевал я на австрийков. Я хотел поехать в Трапани, чтобы убить своего отца, каждую ночь ложившегося в постель к моей невесте».

«С такими дезертирами мы непременно должны победить в войне», – заключил майор.

II. Дама на балконе и прерванные серенады

14 июня всё было наготове. Наша линия замерла в ожидании. Ходили слухи о новых неизвестных батареях австрийцев. Пессимисты утверждали, что опасная пораженческая пропаганда проникает вместе с почтой из Милана и Турина к солдатам на передовую. Я задержал всю почту батареи в бараке подразделения, справедливо полагая, что лучше тщательно распределить паёк, чем раздать солдатам слезливые письма накануне решающего сражения. Всё построение батарей от форта Корбин, вдоль Валь Д'Астико, огибая вершину Ардэ и следуя гребню Скулаццон в Валь Д'Асса, достигавшее расположения англичан в Чезуне²⁵, с их двумястами миномётами, пулемётами и винтовками бригады Казале, было готово к сражению, обещающему стать яростным и решающим.

Мы сытно пообедали в деревянном, обшитом стальным листом бараке миномётного подразделения, защищённом серыми скалами, похожими на небольшие башни. Мы спокойно курили на краю Валлателла Силё, заросшей зеленью тихой долины, погружённой в альпийское молчание, зажатой, с одной стороны, между горным хребтом Ченджо, а с другой – дорогой, ведущей к форту Корбин. Томная мягкая нежность перламутрового вечера, послушно уступавшего место темноте, спускавшейся в глубокие долины. Нараставший гул вывел нас из оцепенения.

Ликование эха, потревоженного одиночным звуком мандолины. Это мои артиллеристы приглашают австрийцев на следующий танец. Вот они там внизу, под нами. Двое первых отчаянно бренчат на мандолинах, в то время как два других вторят им, колотя локтями и ногами в канистры с бензином. Сзади подходит, виляя задом и семеня ногами, виолончелист. Вместо виолончели у него длинная железная вешалка. Оркестр взял паузу, перед тем как исполнить для офицеров серенаду под неистовым управлением самого фантастичного из всех дирижёров.

На голове у него *косо*, на манер английской фуражки напылен металлический котелок. На заднице связаны приподнятые полы шинели, имитирующие старинный покрой итальянской военной формы. Он осыпает музыкантов шутивными проклятиями, сопровождая каденцию ужимками и громкими неприличными звуками. Звуковой шквал пробуждает войска, стоящие лагерем в Валлателла Сила.

Аплодисменты. Аплодисменты и глухой ответный гул, принесённые издали переменчивым эхом.

Оркестр останавливается перед командой подразделения. Капитан просит меня выступить. Вокруг столпились миномётчики, артиллеристы и музыканты.

– Дорогие миномётчики, дорогие артиллеристы и солдаты Италии, примите мою сердечную благодарность за серенаду, исполненную для нас, а также за ваш великолепный пердёж против австрийцев! Ваша шумная радость показывает небесам, заходящему солнцу и звёздам, что вы презираете все опасности! До вас должны дойти сведения, если не наверняка, то вполне вероятно, что этой ночью в полтретьего начнётся большое сражение. Я лично так думаю. В любом случае, это вас не волнует, как я вижу, и не должно волновать впредь, поскольку имеются сведения, поступившие из надёжных источников, убедившие как меня, так и всех командиров, что итальянская линия обороны от Астико до моря полностью готова, абсолютно готова не только противостоять любому австрийскому наступлению, но также отбивать любую вражескую атаку. Запомните: любое наступление, даже самое мощное, будет остановлено. Кадорна²⁶

²⁵ Чезуна (Cesuna) – город в провинции Виченца.

²⁶ Луиджи Кадорна (итал. Luigi Cadorna; 4 сентября 1850, Палланца – 23 декабря 1928, Бордигера) – итальянский маршал. Кадорна возглавлял итальянскую армию в наступлениях у реки Изонцо в 1915–1917 годах. После разгрома итальянских войск в битве при Капоретто в 1917 году был снят с должности.

не был плохим военачальником. Ошибкой было не сместить его, когда он почувствовал себя усталым и опустошённым. Именно он выбрал линию обороны на Пьяве, и это была сильная линия. Сейчас она стальная. Она выстоит. Впереди жестокая борьба, нам предстоит пережить тяжёлые и сложные моменты. В такие моменты помните, что эта венецианская низменность, там внизу, это постель нашей единственной и божественной невесты: Италии... постель ваших невест, которых вы обожаете. Вы, твёрдо стоящие на ногах, охраняйте двери и лестницу, которые хотели бы взять штурмом австрийцы! Подумайте о том, что делая шаг назад, вы тем самым в одно мгновение можете позволить этим канальям войти в ваш дом, бухнуться в вашу постель и овладеть вашими женщинами. Лучше умереть! Я уверен, что никто из вас не захочет стать трусливым идиотом и довольным рогиносцем. А теперь отправляйтесь спать, в условленное время вас разбудят!

Я решил раздеться, чтобы лучше отдохнуть.

На раскладушке в 6 сантиметрах от лейтенанта Боска. Между нами стоят ночные горшки из 75-миллиметровой артиллерийской гильзы и консервной банки. Каждые пять минут (я проверяю по наручным часам) безмолвие ночи нарушает наш 149-миллиметровый снаряд *уууус-ссс уууфффф*. Я засыпаю.

В полтретьего нас разбудил грохот орудий.

– Боска, мы здесь.

Пока мы одеваемся, слышно как нарастает, плотнеет и усиливается свист австрийских снарядов, бьющих в скалы и в металлическую кровлю, как будто огромный поток воды несётся с шумом раздираемого шёлка. Они пролетают в одном или двух метрах от дрожащей крыши и разрываются в Валь Сила.

Свирепая, сплошная, продолжительная бомбардировка. Изобилие боеприпасов. Австрийцы думают, что в Валь Силв гнездится много батарей.

Мы все на ногах, с хорошими солдатскими английскими респираторами на лицах. Снаружи темно. Смутное предчувствие зари на Чимоне. Долина наполнена оглушительным невыносимым грохотом разрывов и грозными отголосками эха. Я отдаю команду, сзываю своих людей. По металлической кровле течёт широкий свистящий поток. Мне кажется, что я вот-вот утону в этом нарастающем потоке. Такое впечатление, что нашему барaku грозит наводнение. Проверяю респиратор у каждого миномётчика. Слезоточивый газ начинает щипать нам глаза. Странное ощущение слёз без горя. Светает.

Все наши батареи отвечают яростным огнём. Непрерывный и густой огонь затягивает Ченджо дрожащей пламенной драпировкой. Валь Сила заполняется белыми серебристо-серыми дымами, прошитыми залпами наших батарей.

Неожиданность, к которой мы вскоре привыкли: австрийские снаряды нового типа, которые, взрываясь, выстреливают вверх длиннейшими волнистыми перпендикулярными червями, высотой от 50 до 100 метров.

Странные червеобразные кольца дыма, которым не всегда удаётся подняться, и тогда они стелются горизонтально, разрастаясь с шумом и клочкотанием. Это сигнальные гранаты, служащие для обозначения австрийскими наблюдателями мест попадания, невидных из глубоких траншей. Австрийские батареи в Камполонго, Лузерне, Тонецце, кажется, сводят личные счёты с Валь Силà. Они сосредоточенно бьют по нам. Телефоны больше не отвечают.

Мой денщик Гьяндуссо входит с полным тазом воды в сопровождении моей собачки Зазà. Гьяндуссо обучил её обычным командам, и вот, пожалуйста, она послушно садится передо мной со свёрнутой газетой в пасти.

Я моюсь холодной водой, не снимая противогаза, но с обнажённым торсом. У меня нет возможности умыться, и я отправляюсь вместе с капитаном к нашим друзьям на батарею в Скулаццоне. Гора Приафорà дышит огнём. Огненное дыхание чёрных губ, огненные взгляды из-под чёрных век, огненные кинжальные удары из чёрного чрева горы. *БРАА бубубу БРАА*

вуууу в долинах. Дорога, ведущая к форту Корбин, изрыта воронками от разорвавшихся снарядов. В форте я нахожу капитана Мелодию, худого, возбуждённого, весёлого и насмешливого. Мы вместе спускаемся в подземелье, связанное ходом сообщения с Чима Арде ²⁷.

Мой капитан обзавёлся двумя электрическими фонариками. После десяти минут вдоль по извилистому ходу под свистящим и сверкающим небом, мы останавливаемся у настоящего шахтного колодца. Сворачиваем в скользкий туннель. Колодец спускается в центр укрепленного выступа. Я уже узнаю дорогу, которая должна привести нас к знаменитой Даме на балконе. Действительно, ещё десяток шагов, и мы выходим на великолепный сияющий простор, мощностью в сто тысяч празднеств. Сто миллионов свечей мощнейших прожекторов, следящих за австрийскими позициями в Валь Д'Астикко. Замираем ослеплённые. Затем мы слышим звуки яростного танца и прихотливое, беспощадное, ироничное и женственное *та-тата-та-та* пулемёта «Сент-Этьен ²⁸», который, в шести метрах справа, гневно как андалузка швыряется огнём страсти и красными гвоздиками со своего балкона, замаскированного зеленью. Это она, легендарная *Дама на балконе* бригады Казале.

Дама Сент-Этьен неподражаема. Под её защитой находятся опасные места. Её никогда не переключивает, если о ней заботится её друг пулемётчик Буко, тощий смуглый апулиец с хитрыми глазами, чей блеск смешивается со вспышками постоянного белозубого смеха. Опытный механик. У него никогда не возникает необходимости разобрать свою любовницу, чтобы почистить её сердцевину. Он овладевает ею, изгибая спинной хребет, щиплет её, щекочет её. Элегантная Дама в чёрном изгибается вниз, над бездной, где бушуют австрийские серенады и швыряет, швыряет свои бесчисленные огненные цветы, убивающие романтичных и дерзких исполнителей серенад.

Буко приветствует меня своей белозубой улыбкой, вспыхивающей в бело-голубом электрическом свете прожектора. Мы заворожённо смотрим на переливающихся в великолепном безумии мотыльков, которые в опьянении устремляются на сильный луч света, сталкиваются, перевёртываются, делают пируэты перед огромным стеклянным глазом, ослепляющим их.

Ярость канонады, вступившей в схватку с завывающим эхом, усиливает фантастичность и таинственность этой сверхромантической ночи, очарованной смертью и опьянённой жестоким весельем. Трагически, словно призрак расплавленного металлического чрева, дистанционный прожектор выступает из своей пещеры и освещает путь Дековилля ²⁹ до края отвесной скалы, затем бесшумно отступает и скрывается во тьме.

Со дна этой пещеры фотоэлектрические датчики, установленные на вращающейся сфере оборудования, управляют перемещениями и включением прожектора. Однако рельсы под ним блестят и извиваются, как фосфоресцирующие змеи, и перед моим воспалённым взором, словно наяву предстаёт чудовищный призрак стеклянного чрева, содрогающегося в попытках освободиться от похотливых бабочек. Суровый и грозный, он приближается к излишней кокетливой Даме, которая всё сильнее галдит и бранится на своих обожателей в долине.

Прекрасная стальная Дама плотоядно вдыхает будоражащую смесь ночных ароматов: ванили, фиалок, акации и дикой мяты, с преобладанием терпкого запаха баллистита ³⁰.

Кажется, что она, обезумев от радости, исполняет свой странный танец с изогнутой спиной. Дымятся её распущенные волосы. Пулемётчик сжимает её бока, и гигантская тень этой странной пары танцует в свете прожектора, в ста метрах от нас, в огромном круге света, отбро-

²⁷ Cima Ardè – Огненная вершина в пер. с *ит.*

²⁸ St. Étienne Mle 1907 (рус. Сен-Этьен образца 1907 года) – станковый пулемёт французского производства начала XX века. Наибольшее распространение получил во французской армии во время Первой мировой войны.

²⁹ Путь Дековилля – это переносной железнодорожный путь, в 60 см. шириной, по которому движение совершается лёгкими паровозами и вагонетками, производившимися на заводе Дековилля, близ Парижа.

³⁰ Баллистит, один из первых нитроглицериновых бездымных порохов, состоящий в одном из последних вариантов из равных частей пороха и нитроглицерина.

шенном ярким лучом прожектора на плотном полотне тумана. Рядом, внизу, вверху, вокруг – колышутся причудливые тени: наши. Запутанная перспектива бесчисленных призрачных зеркал этого праздника.

Буко говорит мне: «Как прекрасна моя дама! Элегантнейшая! Как хорошо она танцует! Она немного капризна и обидчива, но только не со мной. Со мной она хороша! Она всегда верна мне, она предпочитает меня всем остальным! Она отдаёт мне всю себя... Она наслаждается, поистине, наслаждается, когда я покрываю её масляными поцелуями. у меня имеется специальное масло для этой дурочки, болтуни, которая всегда лезет поперёд нас!»

Мы ясно слышим, как очереди австрийского пулемёта шпарят всюду в тёмных зарослях, в двух метрах над нашими головами.

Дама на балконе насмехается, издевается над ним во всю мочь: «Идиот та-та-та-та-та-та Идиот та-та-та-та-та».

Ей отвечает множественное эхо, отражающееся от лицевой стены, но большое облако, несмотря на дерзкие усилия прожектора, мешает нам разглядеть австрийскую дорогу, по которой спускаются атакующие. Возбуждённое или соблазнённое эхо даже хохочет, захваченное празднеством, умножающее свои длинные *джа-а-а-а джа-а-а-а-а джа-а-а-а-а*.

Это напоминает шум гравийного оползня, или скорее крики людей, доносящиеся из-под взорванной роскоши скалистых палаццо. Высокие звёзды мерцают, как световые сигналы отдалённого межпланетного сражения.

Нет! Нет! Это бубенцы приглашённых пружинящих небесных экипажей! Тысячи и тысячи далёких смеющихся женских ртов, обращённых к зениту. Они размахивают руками, жестикулируют, осыпая танцующих жемчужинами, мучительными жемчужинами, способными вскоре превратить танец в битву тугих молний, оспаривающих друг у друга горные колокола. Но, увы, звёзды уже вновь стали тем, что они есть на самом деле: рубинами, украшающими колышущиеся воланы на юбках божественных танцовщиц, которые, к сожалению, никогда не танцуют с нами! Я прощаюсь с Буко и ступаю под лиственный свод. Хлопаю по плечу огромного артиллериста.

Мы на одной из оружейных площадок батареи Мелодии. *Фоок! crrrrrrrrrrrrrrr*. Мы следим за полётом 58-миллиметрового снаряда. Вот он снижается, визжа, ниже, ниже, в долину. *СКРАБРАААНГ*. Вновь начинается ход сообщения.

III. Химическая атака и голубое сияние

На высокогорных лугах, простирающихся в месте слияния Астико и Ассы, сражение разворачивается перед нами миллионом лихорадочных огней и громадами колеблющихся воздушных масс, мечущихся посреди истерзанной и стонущей растительности.

Справа что-то взрывается в густой чёрной листве – *СГРАГРАНГ – ГРААНГ!*

Сграанграната. Маскировочная сетка, скрывающая ход сообщения, превратилась в дьявольскую *перголу* с яростными гроздьями. Земля кажется вывернутой наизнанку мощными ударами наших миномётов. Невидимые внизу под нами, они с пьяной жестокостью наперегонки швыряют свои бутылки с шампанским, взрывающиеся вверх, и, разинув рты, восхищённо пялятся в небо, не заботясь об оглушающем круглом величественном грохоте, который этот убийственный алкоголь производит в 600-х метрах внизу под ними. Мы растягиваемся на склоне чтобы перевести дух, в то время как в мутном свете зари белеют изгибы рек и виднеются по сторонам луга в Камполонго, напротив нас деревни Ротцо и Альбаредо. Стайки белых домиков с красными крышами, бедные, робкие, детские, изумлённые, счастливые.

Наши батареи остервенело бьют 149-ым ³¹ всегда с новых рельс, брошенных на равнине против Креста в Аленбурге. Кажется, что Крест курится белыми и чёрными дымами; блоки, круги, овалы, ромбы, пакеты дыма, из которых вырываются жестокие серебряные заговорённые звёзды.

Более трёх домов внизу в Ротцо наслаждаются тем, что они разбиты. Они беззаботно курятся сами собой, как мирные сигареты. Они приглашают, просят, или бросают вызов нашим снарядам, разрушающим их с ожесточённым сладострастием. У деревни Ротцо простые чистые очертания, святые, как на картине Джотто, искажающиеся под гибкими волнистыми арабесками и гирляндами, которые, может быть, швыряет в них динамичный, пластичный гений Боччони. Громадные и медлительные клубы дыма отступают под мощным напором воздуха, гигантские огнедышащие боа запутывают и свёртывают их полностью. Дымы поднимаются, но их прогоняют вниз, выметают разъярённые ветра, и они становятся более сдержанными, более спокойными, более внимательными, более покорными семи домикам в Ротцо. Рассвет окрашивает крыши в цвет крови. Возможно, они предназначены для бойни, эти странные овечки? Колокольня давно обезглавлена. Я думаю о молекулярной дрожи в этих хрупких стенах, предчувствующих острый толчок дьявольской стальной рыбы, которая их разрушит. Они напоминают также трупную бледность на фоне серо-зелёного дымного моря этой подводной зари, под натиском бесчисленных ненасытных взрывчатых акул.

Дали, долины, ложбины, овраги, котловины и ручьи пробудились, они стонут, плачут навзрыд и кричат во всю мочь. Затем гнев переполняет их, и они взрываются, разлетаясь во все стороны с хрюканьем, отрыжкой, плевками и рвотой. Широкие долины негодуют, они звучно переваривают происходящее, неторопливо проглатывают тяжкий грохот, чтобы тут же отрыгнуть его обратно пережёванным, под зубовой скрежет эха, сверкающего и звенящего от страсти.

Мы чувствуем, как под ногами скрипят лёгкие, чавкают кишки и причмокивает горный сфинктер, до самого дна заполненный бесконечным грохотом. Позади нас обрушивается лавина обезумевшего от страсти эха. Я различаю в этом грохоте овалы, сферы, спирали, пирамиды, кубы, полосы, теснящиеся в диком напряжении сражения. Схватки, погони, перебежки, прыжки, кувырки и безумные совокупления шумов.

Эхо уже стало опытейшим из экспертов, оно всегда на страже.

³¹ Орудия калибра 149 мм.

СПРАНГ – СПРАНГ канонады и *БРАААА БРААА* эха. Высотная галёрка переполнена свистящим и шикающим эхо. Оно обильнее канонады. Каждый орудийный залп поджидают 10, 20, 30 эхо, готовых расплющить грохот, растерзать, разорвать, расплавить, выжать, растянуть, раздробить его, чтобы затем разметать вокруг с брызгами, плевками, шутками, насмешками и *бесконееееечным смехом, смеееехом, смеееехом.*

Я слышу, как где-то очень далеко позади меня грохочут колоссы, шутя попирающие листовую сталь Адриатического моря. Наверняка, в партере венецианской низменности аплодируют и хохочут. В небе тысячи шумовых гимнастов раскачиваются на ветряных трапециях, играют и смеются.

Мы не можем смеяться с лицами, спрятанными под английскими респираторами, наде-
тыми на нас, с их трубками, с причудливыми профилями водолазов, погружённых в море удуш-
ливых и слезоточивых газов. Это ужасный иприт!

Офицеры проверяют английские респираторы на лицах солдат. У всех них урод-
ливо удлинённый нос из каучуковой трубки, спускающейся из жёлтой торбы. Одни напо-
минают муравьедов, другие раскачивают таинственными пупочно-носовыми канатами. Вне-
запно позади нас вспыхивает свет: странный клубок перепутанных чёрных смолистых нитей,
кипящих и дымящихся, подвешенных, как свиные туши, распространяющих вокруг резкий
антиипритный запах.

Траншея напоминает химическую лабораторию, полную сумасшедших учёных. Воз-
можно помешавшихся от непрерывных новых смесей, всё более опасных, едких и убийствен-
ных, непрерывно поступающих из огромного перегонного куба долины сюда, к нам, готовым,
хотя и немного задыхающимся, отразить эту лирическую и в то же время научную химическую
атаку: ацетилен, сероуглерод, сернистая кислота, хлорпикрин.

ТУМ-ТУМ БРООНГ

нашей 75-ой полевой

эхо отвечает

БРАА

бу-бу-бу-бу-бу-бу

ву-ву-ву-ву-ву-ву-ву

На сцену выходит тяжёлая артиллерия. Поверх бутылок с опьяняющим взрывоопасным
коктейлем уже обрушиваются гигантские бочки. И безумная, дерзкая, долго сдерживаемая
юность газов вырывается на волю посреди всех смертоносных свобод. Бочек недостаточно.
Нужно взорваться, – думают пушки, разбрасывать, шутя, пригоршнями и горстями наши длин-
ные бронзовые кишки. Развесим их также гирляндами на вершинах, позванивающих сейчас
под первыми золотистыми щелчками восходящего вдали утомлённого солнца. Грохот нарастает,
нарастает как чёрные кишки, смертельными спиралями сжимающие вершины, так что
можно подумать будто падаешь с горной вершины вниз головой в самый страшный ад всех
религий.

Мы спускаемся в ход сообщения, а затем переходим в траншею бригады Казале. Прохо-
дим за спинами палящих стрелков, *пим-пам-пам-пам.*

Пулемётная группа поливает вниз не прекращающимися *та-тата-та-та-та-та*, обрыв
в 300 метрах под нами раздроблен в мелкую подпрыгивающую крошку. Пулемётные ленты
бегут, ныряя внутрь вздрагивающих орудий, как будто спеша проложить путь ружейным ство-
лам, радостно целящимся в аппетитные живые тела.

На устах пулемётов молниеносно распускаются и увядают алые серебристые и золотистые
орхидеи и ирисы. Тропическая флора, размножающаяся с телеграфной скоростью.

Долина Гельпа образует пустую 200-метровую полосу между нами и австрийскими траншеями на Трёхглавой вершине, окутанной иссиня-чёрными изумрудными и нежнейшими зеленовато-голубыми дымовыми газами. Развевается по ветру изящнейший дым, собранный в складки подобно платью Пуаре ³². Мы видим, что бой свирепствует справа, куда, как говорят, должны были отступить англичане. Мы в Скулаццоне, среди моих миномётов, с другом Маттоли.

Мы отходим направо, в ту часть долины, которая уже превратилась в вулкан. Ритм ружейной перестрелки теснит сердце. По длинной траншее бригады Казале проходит слух, что австрийцы захватили у англичан 900 ярдов с начала окружения, целью которого является Ченджо³³. Весь горный массив, вклинившийся между Астиком и Ассой, в опасности. Проходят солдаты с ящиками боеприпасов. Пулемёты передвинули вправо. Тем не менее, телефоны работают. Команда прекратить миномётный огонь. Однако лёгкая тревога чудится нам в разлив дымов, уже заполнивших потемневший ландшафт. Как будто на нас опустилась ночь, во тьме которой между беспорядочными воздушными толчками летают, как по тысяче рельсов, крупнокалиберные снаряды. Теперь властвует 280-ой. Время от времени тиранически вступает 305-ый. Несомненно, это взрывается парусное судно, нагруженное взрывчаткой, нарочно брошенное в это дымное море, чтобы заполнить, сев на мель, ущелье, разделяющее австрийцев и англичан.

О, с какой итальянской гордостью я люблюсь бравыми пехотинцами бригады Казале, стреляющими из траншеи! В смутной вспышке света перед моими глазами предстаёт то ли галлюцинация, то ли до невозможности странная реальность. Вокруг солдат, стреляющих, вздрагивая, с бруствера окопа, колеблется странное голубовато-красное сияние. Оно похоже на мягкий облачный шар, на колесо бледно-голубого дыма. Я замечаю три, четыре, двадцать, сотню таких ореолов. Я поднимаюсь и сквозь тревожное нарастающее исступление пальбы иду вдоль траншеи. Действительно, каждый из солдат, попадающихся мне на глаза, напоминает матовое ядро, вернее ступицу того самого таинственного прозрачного голубого колеса. Я догадываюсь, что это облако всей прежней прожитой жизни обволакивает каждого из бойцов в момент битвы.

Это путаница минувших дней, неразбериха угасших радостей, отболевших страданий, любовно обступивших человека в момент высокой игры, когда враждебные силы осаждают его со всех сторон. Каждое голубое колесо отличается от другого, я не знаю, зависит ли это от возраста, условий жизни, или самосознания. Несмотря на накатывающие волны грохота и многоголосого эха, я пытаюсь расслышать в этих голубых ореолах живые призывы, крики, мольбы. Голоса плачущих женщин, вопли детей на солнце и рыдания окаменевшей матери, бледнеющее лицо отца, читающего газету, и сладостные свежие губки, между которыми поблёскивают бесценные жемчужины, дороже которых нет ничего на свете.

Вот я слегка касаюсь спины сильного солдата с загорелым лицом: я проникаю внутрь его голубого ореола и вздрагиваю, как любой, кто входит в дом, где лежит покойник, вокруг которого неутешно рыдают домочадцы. Рядом со мной солдат, который стреляет, стреляет, стреляет без устали, должно быть это моряк. Кто ещё думает о свистящих пулях, чирикающих над головой вместе с первыми равнодушными воробьями? Я охвачен радостью открывателя нового закона. Вдалеке от Бергсонов, просиживающих свои идиотские университетские кресла, я нахожу – в опаснейший момент сражения – решение многих вопросов, которое философы никогда не могли найти в книгах, поскольку жизнь не раскрывается нигде, кроме самой

³² Поль Пуаре (Paul Poiret, 1879, Париж – 1944, Прованс) – французский модельер, значительно повлиявший на моду первого и второго десятилетий XX века. Главным направлением для него был этнический стиль, особенно восточные и греческие мотивы. Творчеству Поля Пуаре были характерны яркие краски, роскошные ткани, персидская вышивка, пёстрый батик. Он ввёл в моду тунику, пеплос, японское кимоно, восточные тюрбаны с мехом и парчой.

³³ Ченджо (итал. Cengio) – коммуна в Италии, располагается в регионе Лигурия, в провинции Савона.

жизни. Тайное соединение прошлого с будущим в самом сознании открывается тем, кто всё своё минувшее пережили, перестрадали, выплакали, расцеловали, откусили и пережевали, и тем, кто хотят – посреди ласк или смертельных ударов – прожить, расцеловать, прожевать и выстрадать своё будущее.

Пехотинцы бригады Казале представляются мне небесными телами в голубом свете своей газовой атмосферы. Вращающиеся сферы, задевающие одна другую, подобно зубчатым колёсам в огромной машине битвы. Тайна приближается, предвидение воодушевляет. Каждое колесо формируется, сплетается из бесчисленных колёсиков. Чем больше тонких, плотно пригнанных между собой колечек, тем надёжнее ореол или круглое колесо скрывает плотное ядро. Чем легче бывает обнаружить и сосчитать второстепенные колечки, вращающиеся вокруг солдата, тем более хрупким и беззащитным кажется ядро; и масса пережитых чувств, упруго колеблясь и цепляясь за другие ореолы, плохо или вовсе не защищает его.

Мощь нашей великолепной расы и её чувственность, цепляющаяся, как зубчатое колесо, сочная и покрытая присосками, как спрут! В этих голубых колёсах заключены все эмоциональные силы близких, друзей, родных, сыновей, матерей, любимых и младенцев, которые, будучи стянуты узами прошлых страданий и радостей, защищают бойцов. Я уже восхищался великолепным качеством мужчин, выделяющим бригаду Казале, сильных, ловких, быстрых, мускулистых мужчин, с хорошими зубами и волосами. Я считаю их лучшими в избранной расе, то есть самыми любящими, самыми любимыми, долгожданнами, интуитивными. Друзья солнца и моря, они умеют действовать наверняка, не раздумывая, почти всех их сегодня окутывает голубой ореол, защищающий их; они побеждают, они победят, они уже победили, они в этом уверены.

Действительно, по мере того, как растёт дерзость солнца, выметающего вон своими длинными гибкими стальными и золотыми мётлами ужасные клубы дыма, тумана, грохота, шума, я замечаю, что посреди солдат с голубыми ореолами есть несколько убитых, много раненых, но эти сияющие и уверенные в будущем остались невредимыми.

Три часа спустя я возвращаюсь в подразделение. Починка повреждённых телефонных линий. Линейные монтеры бегут по улице. Один несёт телефонный аппарат, другой – бухты проволоки. Я встречаю быстрых ординарцев на велосипедах, то и дело огибающих широкие воронки, оставшиеся от взрывов. Огонь австрийцев становится всё слабее. Долетают последние отчаянные снаряды. В артиллерийском отделении узнаю первые новости, голоса звучат фальшиво, правдиво, неопределённо. Много раненых, несколько убитых. Наши мулы погибли. Наши пехотинцы контратакуют вместе с англичанами в Чезуне, чтобы вернуть обратно 300 ярдов. Наш пустой барак охвачен огнём. Австрийская бомбардировка теперь усиливается в Кампелло. Австрийцы захватили вершину Экерле у англичан. Много снарядов упало на Пьовене и Скио³⁴. Австрийское наступление разворачивается от Валь Д'Астикко до моря; наша линия колеблется, но держится крепко. В воздухе пахнет победой.

В 10 часов бомбардировка, начавшаяся в полтретьего ночи, полностью прекращается. Валь Сил0 вновь обретает свою альпийскую душу, до краёв наполненную тишиной, наивную, нежную, тоскующую. Однако вскоре наполняется совершенно неожиданным гулом. Это вечерашний оркестровый кортеж, марширующий, с ожесточением гремя литаврами, издавая резкие жестяные неприличные звуки. К ним присоединяются две гитары и кларнет. Дирижёр безумствует, неистово жестикулируя; кажется, что он шутовски управляет душой Родины, всё ещё взволнованной страшным финалом, в котором толпы австрийцев будут убиты и поглощены пузатыми и жадными пушками.

Я засыпаю в бараке обессиленный, удовлетворённый. Свинцовый сон.

³⁴ Пьовене (Piovene) и Скио (Schio) города в провинции Виченца.

В полдень меня разбудили два наших орудийных залпа, в то время как мне казалось, что это Гьяндуссо стучит в мою дверь. Сквозь сон я кричу «Войди-и-те!» Я принял канонаду за безобидный стук в дверь, настолько глубоок был мой сон.

Три дня спустя автомобиль, в котором был генерал Монези, останавливается перед бараками нашего отделения. Он входит, весёлый. Отличные новости. С уверенностью победоносного генерала, сообщив мне, что он был на футуристическом вечере в Брешии, рассказывает о провалившемся плане австрийцев, которые надеялись прорваться, разгромив все наши укрепления (Форт Корбин, Чима Арде, Чезуна), достигнув Ченджо, а затем в обход выйти к Пао. Наши утраченные позиции в Тонале отвоёваны. Азиаго, Граппа держатся. Мы потеряли часть Монтелло, где стоят главные силы австрийцев, которые удаётся сдерживать.

Генерал Монези уходит под проливным дождём, в то время как плотный туман расходится, разорванный в клочья ветром, поднимающим с Валь Д'Астикко неиссякаемый облачный котёл. Наши 75-е никогда не молчат, и их снаряды летят с шипением водной торпеды.

Птоо!... фиссссс

Пто! Пто! Пто! фишиии

Птоо! Птоо! Птоо! фишиии

19 июня на заре я встречаю весёлую и кокетливую Заза с листом бумаги в зубах, в сопровождении её нового кавалера Лиго, смешного пёсика, помеси пуделя и выродившегося бульдога. Невероятно подвижный, гарцующий как лошадка, рыжий как Заза, но безостановочно вертящийся, с изящной мордочкой со странным розовато-чёрным носом, водянисто-серыми глазами, грациозный, смыслённый, оживлённый, уже очень немолодой. Всегда готовый к случке. Он заигрывает с Заза и вырывает у неё лист бумаги. Я подхватываю листок на лету и читаю: «Бюллетень Диаса – 9011 австрийских пленных и около 300 захваченных австрийских пулемётов. Наши войска отбивают Монтелло и отбрасывают австрийцев к Пьяве».

Вечером 21 июня я наблюдаю и руковожу ходом буровзрывных работ по установке нового барака. Трое артиллеристов сгрудились вокруг стержня, вбитого в складку скалы. Кувалда, зажата в грубых руках, пролетает мимо моей головы, каждый раз наверху сверкая розовым в последних косых лучах солнца. Второй артиллерист то и дело засовывает в отверстие скребок, чтобы убрать пыль. Я аккуратно вставляю сабулит³⁵, капсулу и фитиль. Всем отойти на 50 метров. Артиллерист поджигает фитиль и отбегает

Тум Тум ПРААНГ

Затем звук шумного, шу-у-умного падения обломков. Зазё лаяла и скакала, в то время как прибыл запыхавшийся ординарец-велосипедист. Капитан прочёл и передал мне приказ выступить в Скандиано³⁶, чтобы присоединиться к подразделению бронированных автомобилей, к которому я был приписан.

³⁵ Сабулит – напоминающее аммонал взрывчатое вещество, использовавшееся в итальянской армии в годы Первой мировой войны.

³⁶ Скандиано (итал. Scandiano) – город в Италии, в провинции Реджо-нель-Эмилия области Эмилия-Романья.

IV. Женщина-приз

22 июня, отправляясь из Валь Силà пешком, в сопровождении беспрестанно болтавшего денщика Гьяндуссо, я внезапно ощутил, как в моих ногах вновь ожила опьяняющая эластичнейшая походка Карсо ³⁷. По сторонам спускавшейся вниз улицы громоздились английские крупнокалиберные орудия, которые чистили, припевая, высокие светловолосые батарейцы в колониальных касках и с голыми руками. Эти суровые, слегка приглушённые голоса моряков из-за Ла-Манша контрастировали с мягкими благоухающими дуновениями летнего ветра, устало овевавшего бескрайнюю венецианскую равнину, внизу, под Ченджо.

Моя собачка Заза вертела задом, лаяла, приглашая меня припустить бегом. Я побежал вслед за ней вдоль по улице. Гора полностью изменила свою форму после бомбардировки. Я остановился, потрясённый горячим и пыльным видением широко раскинувшейся передо мной Родины, вздымавшей, казалось, просторную грудь равнины, татуированной линиями улиц и ворсистой от деревьев, которые солнце глазировало золотистой испариной. Город и деревни были её талисманами.

Сегодня 22 июня, 22 это дважды 11, моё любимое число, счастливое число, приносившее мне удачу и связывавшее меня с Италией.

В Кампьялло, среди трёх глубоких воронок, оставленных снарядами 305 калибра, я обнаружил свою коляску с мулом и поклажей. Все погрузились, включая лающую Заза. Гьяндуссо сказал:

– Вы только поглядите, какой снаряд 280 калибра. Не разорвался. Спит себе на боку, как поросёнок. Как будто мы едем на ярмарку.

Раскалённая улица полна английских солдат, отпускающих сомнительные комплименты прекрасным итальянским горожанкам. Гьяндуссо изрекает сентенцию:

– Война предназначена для смещения рас!..

Сворачиваю на улицу Сан Орсо, где расположилось командование десятой армии. Я всегда испытываю инстинктивное чувство гадливости, входя туда. Почти всегда давящая обстановка, где господствуют два типа отвратительных тыловиков: *старательные карьеристы*, кичливые павлины и индюки генерального штаба, и *медлительные неженки*, думающие только о трапезе и шампанском. Кроме того, я питаю глубокое отвращение к генералам, которые почти всегда смешно кокетничают, как старые шлюхи. Но Кавилья³⁸ представляет собой исключение, и его окружение почти достойно него.

Он дружески встречает меня и сразу же представляет на макете битву при Монтелло, уточняя все ошибки, а также показывая предложенные и уже частично осуществлённые поправки. Со свойственным ему удивительным спокойствием, ультра-пьемонт, высокий, холодный, сдержанный, абсолютно уравновешенный, немногословный, он говорит о действиях пехоты, которыми он явно не был доволен. Он не одобрял две атаки с флангов Монтелло, которые были, как можно было предвидеть, отбиты вражеской артиллерией. Следовало, напротив, внезапно нанести удар в центре силами 4-х полков, сразу же после обманной ожесточённой бомбардировки с флангов.

Кавилья сказал:

– Бадольо ³⁹ великолепно расположил артиллерию... Когда у Бадольо есть время подумать, он поступает как знающий и властный генерал. В любом случае это наш лучший генерал.

³⁷ В сентябре 1917 г. во время одиннадцатой битвы при Изонцо итальянцами была одержана небольшая победа на Карсо.

³⁸ Энрико Кавилья (итал. Enrico Caviglia; 4 мая 1862, Финале-Лигуре, Лигурия, Королевство Италия – 22 марта 1945, Рим, Королевство Италия) – итальянский военный и государственный деятель. Маршал Италии (25.06.1926).

³⁹ Пьетро Бадольо (итал. Pietro Badoglio; 28 сентября 1871-1 ноября 1956) – маршал Италии (25 июня 1926), герцог Аддис-

Затем Кавилья говорит о герцоге Д'Аоста, который был в Фольяно, когда австрийцы вторглись на наш берег. Ему много раз предлагали уехать, но он всегда отвечал: «Нет, я остаюсь!» Герцог мужественный хладнокровный человек, и к тому же очень здравомыслящий. Когда ему представили военные планы, то он, внимательно изучив их, затем сразу сказал: «Эти не годятся, принесите мне другие». Вновь изучает, принимает или отвергает без тени чванства или высокомерия. У него отличный начальник генерального штаба: Фаббри. От Астико до моря настроение наших войск просто великолепно.

– Я видел, как подкрепление с радостью победителей осаждает грузовики, отправляющиеся на линию фронта. Население Пьяве сохраняет совершенное спокойствие и уверенность. Во время битвы при Монтелло я видел, как крестьяне пахали землю, а дети стояли вокруг стрелявших 75-мм полевых пушек.

Я покидаю Сан Орсо в убеждении, что Кавилья, действительно, именно тот самый военачальник, которому предназначено соединить в единый волевой интуитивный и решительный механизм все благоприятные и неблагоприятные возможности, все расчёты, все силы людей, дождя, солнца и земли, совсем как провода, сходящиеся в этой чудесной панели с электрическими коммутаторами у него в мозгу. Необходимо чтобы Кавилья любой ценой стал главнокомандующим в следующей неизбежной финальной битве.

Скио ⁴⁰ весь пронизан солнечным звоном, когда я въезжаю туда на своей коляске, запряжённой мулом. Я уже больше почти не узнаю городок, дремавший минувшей зимой под обстрелом надменных высокогорных австрийских батарей. Сегодня он гордится своими неистовыми совокуплениями с пушками 305-мм калибра. На площади я встречаю духовой оркестр первых берсальеров, возвращающихся с Пьяве.

Лирический взрыв раскалённого полудня. Наступательная походка, сверкающие ружья и ранцы, все трубы повернуты к небу над суровыми лицами, блестящими от пота. Сверху пронзительно звенит солнце, как подброшенная вверх в ритме походного марша прекраснейшая из всех берсальерских труб.

Я хотел было следовать дальше, но не мог продвинуться ни на шаг, с такой силой бурлящая масса вооружённых людей бросилась мне навстречу, прижала, как самум ⁴¹, исполненный дикой радости. Мальчишки в исступлении орали и скакали перед берсальерами. Из дверей домов, окон и балконов гроздьями свешивались неистово аплодирующие женщины и дети, снаружи лаяли собаки. Заза бросилась к ним, но я перехватил её на лету и, зажав между ног, направил направо своего мула, взбрыкнувшего с неожиданным поэтическим вдохновением.

Вокруг меня бушевали людские волны, бурлила итальянская душа, охваченная прекрасным безумием, распаханная настежь. Одни из берсальеров давали отдых губам и вытирались, в то время как другие, надув щеки, неистово метали в небо звуковые шары, от которых, казалось, лопались дома. Их глаза смеялись, и все смеялись в ответ. Вслед за первыми военными и ритмичными трубами вступили остальные развеселившиеся трубы, вывихивающие челюсти и торжествующие.

Мы победили, всё позволено. Множество женщин смотрят на нас. Их запах кружит голову, а их прекрасные груди распались под тяжестью распущенных волос. «Один поцелуй, ну же, моя ягодка, от тебя не убудет! Какие задницы... Да здравствуют наши воины, господин

Абебский, маркиз Саботино, премьер-министр, который принял власть над страной после свержения Муссолини в 1943 г., объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

⁴⁰ Скио (итал. Schio) – город в итальянской области Венеция, в провинции Виченца, Северная Италия. Город расположен к северу от Виченцы, к востоку от озера Гарда. Скио окружают Предальпы, так называемые «Малые Доломиты», и гора Пасубио.

⁴¹ Самум (араб. سيموم (samūm); – знойный ветер) – сухие, горячие, сильные местные ветры пустынь, налетающие шквалами и сопровождающиеся пыле-песчаными вихрями и бурей; песчаный ураган. Такой ветер представляет собой сильный, но кратковременный шквал, сопровождающийся пыле-песчаной бурей.

лейтенант... Поди сюда, блондиночка! Да здравствуют артиллеристы!. Да здравствуют берсальеры!... Да здравствуют стрелки берсальеры, отразившие все удары!»

Громадный берсальер, кажется, того и гляди проглотит свою трубу, затем шутя поворачивается, делая вид, что сейчас упадёт то вправо, то влево. Он то и дело ставит подножку своему другу, идущему впереди, толкает локтём соседа слева и широко загребаёт правой рукой, задевая ею лица женщин. Эти округлости магнетизируют его: он старается ущипнуть каждую. Размахивая обслюнявленной трубой, зажатой в левой руке, он приставляет свёрнутую трубкой правую руку ко рту, издавая при этом шумные и крайне неприличные звуки у-у-у... уу-уу-уу. уууу-уу прр прр прр оооооооо аааааа.

Он насильно целует всех женщин. Те рассерженно смеются, вскрикивают, почти валятся под его животной тяжестью на оглушительно визжащих детей и собак. Солнце раскаляет пыль в глубине улиц, накачивая с высоты веселящий газ, сгущающийся вокруг них наподобие огромной знойной шины.

Моя коляска продвигается вслед за этим потоком народного ликования, а в 100 метрах, из боковой улицы, появляется батальон шотландцев.

Поразительный контраст. Они медленно маршируют в такт, размеренно, ритмично, монотонно, слегка покачивая короткими клетчатými юбочками цвета хвойного альпийского леса, в кителях цвета хаки, сдвинутых набекрень головных уборах в форме опрокинутой лодки, с обмотками посередине икры, перевязанными лентой с красным бантом. Сверкание кожи и латуни. Полнейшее спокойствие в отразивших лазурные небеса Шотландии мягких голубых глазах, всегдашнее полное повиновение под тяжестью ружей и элегантных рюкзаков. Марш сопровождают медленно поднимающиеся, растекающиеся звуки напева:

о-эээ о-эээ о-эээ уррааа!

о-эээ о-эээ о-эээ уррааа!

Берсальеры отдают честь поднятыми трубами, оттесняют женщин и детей влево, с адским шумом освобождая правую сторону для прохождения союзников.

Медленно – торжественно – громко – великолепно. Раз – два – раз – два, со смешливыми искорками в глазах, не поворачивая головы, раз – два, раз – два, маршируют шотландцы, прибывшие издалека и уверенно печатающие шаг в будущее. Только после команды лейтенанта эти нордические дудочки разражаются ликованием, а их священные лапищи начинают радостно тискать выпуклости женских грудей, сжимая их с материнской нежностью древних горцев в коротких юбочках – *надзиш ишш дзишш бишш бьюю*.

Берсальеры исполняют *Tippereri*⁴² без слов, *уррара пум – пумб папапапум – пумб пара пум пумпумпум*.

Шотландцы отвечают им *Addio mia bella addio*⁴³.

Проходит английский обоз. Роскошное сверкание латуни на сильных конях. Лошадиные ноги покрыты длинной шерстью. Кажется, что солнце кувырком катится вниз, загипнотизированное блеском сияющей упряжи. Наверху темно-зелёных фур, до отказа забитых бесполезной рухлядью, восседают краснолицые возницы в хаки с трубками в уголках ртов.

Вслед за ними проезжают огромные, сотрясающие землю английские грузовики, колоссальные короба, или автомобильные помосты для помощи колонне. Непомерно диспропорциональные. Водители с трубками в зубах и красными пропылёнными лицами кажутся мышами, цепляющимися за руль своих гигантских грузовиков.

⁴² Путь далёкий до Типперери или Долог путь до Типперери (англ. It's a Long Way to Tipperary) – маршевая песня британской армии.

⁴³ Прощай моя красавица, прощай (Addio mia bella addio – ит.) – песня, написанная в 1848 г. Карло Альберто Бози (Carlo Alberto Bosi).

Этот второй грузовик ещё огромнее. Он соперничает размером с домами. Может быть, это фолкстонский⁴⁴ дом с садиком вдобавок. Англичане всё тащат с собой. За каждым батальоном тянется целый передвижной город с домами, переполненными зрителями.

Мы, итальянцы, сражаемся почти голыми, но в сердце каждого из нас благоухает висячий сад из женщин-цветов, чьи тяжёлые волосы извиваются, огибая побережья опасных лунных заливов.

На следующий день, вечером, в поезде до Вероны я читаю триумфальное сообщение Диаса: *«От Мантелло до моря враг разбит и был вынужден беспорядочно отступить под напором наших доблестных войск назад, к Пьяве».*

На вокзале в Вероне почти темно, недовольно ропщет, запертый и бурлящий, один из штурмовых отрядов, отправляющихся на отдых. Резкий и едкий запах победоносных бестий. Жестикულიруя на ходу, посреди выкриков, завихрений, толчков и пинков покачиваются хлопья чёрных фесок. Ардити⁴⁵ захватили привокзальное кафе. В фантазмагорическом мерцании синего света и мелькании карикатурных теней смутно виднеются обнажённые руки, откупоривающие оплетённые бутылки с вином и поднимающие стаканы с пивом. Любой спор напоминает драку. Все толкаются. Голод и жажда лихорадочно утоляются в темноте. Звуки падения бутылок и стаканов. Проклятия и ругательства офицеров, попавших в непрерывный водоворот серовато-чёрной толпы, противостоящей пыхтению маневрирующих, медленно выдвигающихся локомотивов с кричащими машинистами.

Я слышу, как меня окликают. Это полковник Тривульцио, высокий шестидесятилетний горец с испитым, но твёрдым лицом, оживлёнными смеющимися глазами и трубкой в зубах. Я оставил его пехотный полк по приказу штурмового подразделения. Среди сутолоки и криков чёрных фесок он рассказывает:

– В Меоло⁴⁶ была потеха. Битва неаполитанских клоунов и шутов. Настоящий бордель с пьяными драками. Но сколько крови и сколько убитых! Однако, было весело. Я никогда не видел такого переполоха. Подумай только, наш пулемёт тащил вверх австрийский пулемёт, тащивший вверх наш пулемёт! Один в заднице у другого! Все три в один ряд. Непонятно, где проходила линия фронта. Линия постоянно колебалась. Поваленные деревья, непредвиденные проволочные заграждения, все телефонные провода были повреждены. Вдруг я углубился с пулемётом в заросли и вышел на луг. Но, *та-та-та-та...* да, три австрийских пулемёта! Ай! ай! назад, назад! Их слишком много, а нас слишком мало!

Полковник Тривульцио сопровождает свой рассказ о нелепейшем отступлении комическими жестами.

– Мы попрятались за деревьями, в 50-ти метрах позади. Три секунды. Остальные чёрные фески сгрудились за спиной, как школяры на пирушке. Внезапно все вскочили и бросились на луг. Чёрт возьми! Чёрт возьми! Но мы были уверены в своих силах! Чувство победы было у нас в крови. Вперёд, назад, потерялись, отбились. Потерялись с самоуверенностью богачей на игровой доске. «Нужно взорвать эти три пушки?» – спрашивает меня капрал. Все отвечают: «нет, нет, нет, боже упаси! Мы заберём их, ничего не нужно взрывать. Теперь это наши пушки, и через полчаса мы вернёмся за ними». Мы были спокойны, как праведники! Тридцать парных упряжек наших лошадей попали к австрийцам и вернулись к нам через полчаса.

Я протискиваюсь сквозь толпу с Заза на руках и выхожу наружу, в темноту Вероны.

Пара кабаков с полузакрытыми ставнями. Хмель ударил в головы и выгнал наружу разрозненные группы, горланившие дуэты, дерзкие кулаки и кинжалы, готовые к потасовкам и

⁴⁴ Фолкстон – город-порт и курорт в Англии; графство Кент.

⁴⁵ Ардити (итал. *arditi* «отважные, смельчаки») – штурмовые подразделения в итальянской армии, появившиеся во время Первой мировой войны. Состояли из особо храбрых солдат.

⁴⁶ Меоло (итал. *Meolo*) – коммуна в Италии, располагается в провинции Венеция области Венеция.

крайне раздражённые тем, что не видят перед собой коленопреклонённого города с коврами нежных женщин на булыжной мостовой, фонарями и гирляндами женщин на балконах. В чёрном проёме ворот драка между карабинерами и ардити. Я вмешиваюсь, потому что огромный карабинер обхватил и потащил подмышкой негодующего тощего ардито⁴⁷, беспомощно бьющего в воздухе ногами в ритме азбуки Морзе.

– Отставить, так не обращаются с солдатами победителями.

– Но, господин лейтенант, он дал мне кулаком в нос. Взгляните, сколько кровищи.

– Пусть себе идёт, он пьян. Нужно уважать опьянение героев.

– Если это приказ, господин лейтенант, то пусть идёт. Хвастливые бестии распоясались в тёмном городе. Будут неприятности, но не имеет значения.

Всю ночь напролёт я шатался по городу вместе с ардити, подпевая им и подхватывая припевы их песен, пьяный не от вина, но от того преображающего алкоголя, который все философы мечтают растворить и уничтожить в своих педантичных холодных перегонных кубах, и который называется патриотизмом. В этом смысле я никогда не стану трезвенником.

На заре, в вагоне второго класса, везущем меня в Модену, я, наконец, встречаю заслуженную награду, преподнесённую мне Родиной.

Действительно, прекрасная итальянка. Темноволосая, изящная, нежная и гибкая. Тридцатилетняя, с великолепными глазами, волосами и зубами. Но не будем торопиться! Я опишу её вам мало-помалу. Постараюсь обуздать все свои порывы, в том числе мой дескриптивный лиризм. Я созерцаю её в восхищении. Гьяндуссо изумлённо уставился на неё. Заза свернулась клубком у её ног. Я вступаю в разговор. Находчивый, напористый, интуитивный. Чувствую её заинтересованность в нашей победе. Рассказываю о битве. Прекрасная дама слушает, внимание в каждом движении. Её зовут Розина Миллари из Одерцо⁴⁸. Богатая беженка, немного растерянная, поскольку ей не нравятся пригласившие её родственники. Ей придётся весь день бесцельно провести в Модене, чтобы тем же вечером отправиться на их загородную виллу. Я приглашаю красавицу на завтрак. Она в нерешительности. Но фортуна на моей стороне. Действительно, невозможно ни в чём отказать солдату победителю. На вокзале в Модене позавтракать негде. Скопление солдат и давка вынуждают нас выбраться оттуда как можно быстрее вместе с её и моим багажом, Гьяндуссо, Заза, и через некоторое время вся импровизированная семья обосновывается в гостинице «Италия».

У меня душа итальянского солдата. Вы знаете, что значит быть 40-летним, гениальным, исполненным обаяния, могучим генератором новейших здоровых идей, отданных в дар миру, создателем мощных поэм и, тем не менее, не задумываясь пожертвовать всем этим ради своей земли и своего народа, находящихся в опасности?

Вы скажете, что одним лейтенантом на фронте больше, одним меньше, не имеет значения. Однако этот лейтенант носит прославленное имя; благодаря своему красноречию – он стал примером, маяком, живым знаменем, примером мужества и веры для всех тех, кто доверяет ему. Вот кто я такой. Аккумулятор патриотической энергии, эффективнейший и абсолютно бескорыстный. Таким образом, я мобилизовал самый непокорный из темпераментов, дисциплинировал и наступил на горло собственной гордости, всегда вытягиваясь по стойке смирно перед старшими по званию, не стоившими моего мизинца. Вот истинный героизм, заслуживающий, *дорогие пассатисты и дорогие пассатистки*, награды, схваченной грубыми руками и без церемоний!

В номер гостиницы «Италия» я вошёл, как входят в кондитерскую после длительного воздержания от сладкого. Я разглагольствовал о любви с красноречивым и трогательнейшим

⁴⁷ Ardito (ит.) – "отважный" (см. сноску на стр. 51).

⁴⁸ Одерцо (итал. Oderzo) – коммуна в Италии, располагается в провинции Тревизо области Венеция.

лиризмом, предлагая прекрасной даме для капитуляции все бархатные trampлины, но в действительности я покорил её, можно сказать, своим авторитетом.

Это не было тяжкой повинностью, возложенной на мою подружку, напротив, я выдал ей патент на бессрочное пользование побережьем великого моря сладострастия, после того, как галантно обучил её колеблющийся дух свободному плаванию в его глубинах.

Комнату освещали отблески тысячи знамён, пламенивших на фасадах домов. Переносные подвесные сады. Красный цвет казался поистине обновлённым. Презренный зелёный цвет Капоретто превратился в зелень Пьяве, в изумрудный цвет Адриатического моря, он станет победным зелёным цветом Изонцо. Раскалённое небо, казалось, кружилось в руках полураздетых берсальеров, свирепых, горляющих, с глотками, полными дикого итальянизма и гордости, любовь – вендетта – грабёж – героизм – мафия.

Я последовал за своей красавицей, решившей заняться распаковкой багажа. Нежный укус сзади в шею. Затем я раздел её. Я приступил к делу томно, со всеми ласками, которыми отличаются венецианские любовники, и с воркованием птицы, проклиная своей клетку, молящей о свободе и не знающей иного неба, кроме отражающегося в чашке с водой. Я ошеломил её поцелуями и бесконечными ласками. Я овладевал ею снова и снова, пылко, порывисто, теряя рассудок. Потом я остановился. Я швырнул на диван душу, служившую мне до тех пор, и вытащил наружу другую из глубины своего существа.

Необходимо, подумал я, с научной точностью и со сладострастием гурмана оценить приз, приготовленный для меня судьбой.

Я мягко заставил замолчать Розину, стремившуюся рассказать мне о трусливой глупости своего мужа нотариуса, педантичного германофила, пораженца, уклонившегося от отправки на фронт, несмотря на свои 25 лет, отличное здоровье, и сказал ей:

– Дорогая Розина, ты слишком прекрасна, чтобы скрываться под сорочкой, сними её. Я хочу тщательно проанализировать твою красоту и сделать набросок.

Я вскочил с постели, схватил свою записную книжку, поудобнее уложил обнажённую Розину:

– Закрой глаза. Хорошо!.. теперь открой!

Удивительные глаза. Роговица слегка голубоватая, с мельчайшими кровеносными сосудами в уголках, утопающая в странной сладкой золотистой наливке. Чёрный зрачок, окружённый тёмным золотом...

Розина поражена, сдерживая свою радость, она бросает мне сверкающий и лукавый взгляд, великолепно сочетающийся с улыбкой. Это расцветающая подвижная улыбка, открывающая мелкие свежие белые острые зубы. Мне приходит на ум юная Мадонна Рафаэля, только более горячая, страстная, за стёклами быстрого лимузина.

Я люблю маленькие пылкие крепкие груди. У Розины они, наоборот, немного тяжеловатые и слегка материнские. Но красивый купол живота великолепен. Под пупком едва заметный перпендикулярный спуск, маленькая, еле намеченная тропинка, теряющаяся в треугольной тени между бёдрами, ещё более восхитительными. С крепкими мускулами, скрытыми под нежной плотью. Прекрасные мягкие и новые подушки с упругими пружинами мускулов.

Но Розину раздражает такая скульптурная эстетика. Снова поцелуй, снова ласки и новая пауза с неизбежной болтовнёй о муже, которого Розина называет теперь испорченным пассажистом и другом проституток.

Наш диалог прерывается прыжком Заза, которой захотелось свернуться клубком между нами.

Моя походная собачка не знакома с женщинами. Она всегда жила среди солдат и ей определённо не нравится растекающийся аромат плоти. Она предупреждает меня лаем, призывая к древнему целомудрию. Я прогоняю её, она прыгает обратно. Тогда я отдаю её денщику в коридор.

Я уже достаточно вознаграждён. Я выпил маленькими глотками и со вкусом просмаковал все лакомые блюда на этой постели, сервированной как королевский стол.

На эскизе в моём блокноте мягкая нежность двух прядей волос, скрывающих маленькие уши Розины, я чувствую, как в моём сердце поднимается целый океан мыслей, и вот уже мой дух скользит по волнам, под парусами, в которые дует упрямый ветер небесной чистоты.

В заключение я говорю Розине:

– Я никогда не смогу тебя забыть, потому что ты истинная дочь нашей верной Пьяве и нашей победы!

Затем добавляю:

– А также дочь предсказывающей луны!

Так, выйдя на балкон, я приветствовал луну, коварно светившую 27 октября над Карсо, тогда совершенно жёлтую, возможно для того, чтобы окрасить австрийские знамёна.

Часом позже она сопровождает нашу коляску, катясь в вышине, огромная луна, жирная, белая и счастливая. Новая компания, охваченная радостью победы. Проезжаем через Секкью⁴⁹, также охваченную лунной радостью.

– Не ищи меня, не пиши мне, я сама напишу тебе, – бормочет Розина, обнимая меня. Мой муж такой ревнивый, он убьёт тебя!

Я понимаю, что Розина начинает превращать своего отсиживающегося в тылу мужа в храбреца.

– Не ищи меня, меня, – повторяет Розина, – я приеду к тебе в Милан.

Я не слушаю её. Я думаю о том, чтобы придать моей следующей поэме кипение и серебристый блеск Секкьи, нежно текущей почти в моём сердце. Высокие виноградники, подвешенные к широким охватывающим их рукам тутовника, своими огромными чёрными тенями наводят меня на размышления. Старый возница едет, покачивая мягкой фетровой шляпой в такт полнокровной полной луне. Мне хочется поторопить лошадь. Я устал от наслаждения. Постукивание колёс повозки пробуждает во мне пневматический ритм моей будущей бронемашины, новой возлюбленной ради приближения будущей победы.

⁴⁹ Секкья (Secchia ит.) – река в северной Италии, протекающая, в основном по территории области Эмилия-Романья.

V. Сумасшедший

Мне пришлось провести два дня в каптёрке в Скандиано.

Два дня армейской бюрократии, разбавленные компанией футуриста Вирджилио Марки⁵⁰, героического гранатомётчика, теперь инвалида войны. Ему удалось организовать там маленькую импровизированную выставку футуристической живописи. Я посетил её, чтобы немного отдохнуть в забытой мирной атмосфере, рассуждая о равновесии динамических архитектурных комплексов, придуманных Марки.

Расщелина, задний план и пожар, тоскливая атмосфера Скандиано с разговорами артиллеристов и последующим обсуждением футуризма с генералом Саккерио. Мне плохо спится в Скандиано, я охвачен страстным желанием поскорее познакомиться с прекрасной бронемашинной, ожидающей меня, с её изящными формами и её сердцем, наполненным топливом. Тем временем футуристическая пропаганда, моя и моих друзей Марки и Франческо Флора⁵¹, кажется уже преобразила маленький ультра-пасса-тистский городок.

Там уже творится неизбежное чудо. Что там за крики? Мы выходим из столовой. Похоже на бунт. Все бегут. Я делаю выговор двум сержантам, бегущим навстречу неизвестной опасности. Град камней обрушивается на нас. Прибойная волна кричащих детей и женщин. Мы выходим на просторную, заросшую травой и пустынную площадь перед палаццо Эстенсе⁵².

В глубине, рядом с герцогскими дверями отчаянно жестикулирует сумасшедший. Голый, начиная с лысой багровой головы, и до колен. С обмотками и ботинками на ногах. Безумный, сгорбленный, он лихорадочно нашаривает крупные камни и с силой мечет их в ограду дворца, где в смятении суетятся офицеры и солдаты.

Трагикомический военный совет под усиливающимся огнём сумасшедшего. Часовому приходится передвинуться, чтобы отразить винтовкой с примкнутым штыком прицельные удары. Толпа колеблется в проходе улицы Чезаре Баттисти⁵³, внезапно спасаясь бегством, когда безумец приближается под прикрытием летящих камней.

Он выглядит господином этой мрачной сонной строгой площади, слишком умело спрятанной в тылу, вдали от аэропланов и фронта. Могучая нагота, сильная грудь, мастерство метателя камней. Его член, болтающийся в нише из чёрных волос, дерзко глумится над косной моралью, притягивая взгляды девушек, визжащих от страха, ужаса, любопытства и не перестающих подглядывать сквозь грациозную решётку из пальцев, которыми они прикрывают зардевшиеся лица.

Внезапно сумасшедший повернулся, захватил пригоршню навоза и съел его с жадностью.

Возможно, он хотел напомнить о неизбежных лишениях и жертвах тем, кто хотел бы не только спасти свою шкуру, но также полноценно питаться, в то время как солдаты пили и ели жесточайший солнечный огонь сражений.

Сумасшедший схватил два больших камня и стал яростно бить себя ими по голове. Дикий мститель, прибывший из далёких пещер и водивший компанию с мамонтами, он, должно быть, хотел показать, что в дюжинном обывательском благоразумии нет ни следа добродетели. Теперь он пришёл, чтобы разрушить все укрепления, включая собственную голову, и выпустить на свободу благородное безумие. Он плевался в сторону герцогского палаццо, пле-

⁵⁰ Virgilio Marchi (Ливорно, 21 января 1895 – Рим, 30 апреля 1960) – итальянский сценограф и архитектор.

⁵¹ Francesco Flora (Колле Саннита, 28 октября 1891 – Болонья, 17 сентября 1962) – итальянский литературный критик и писатель.

⁵² Барочный палаццо Эстенсе был построен в XVIII веке по оригинальным чертежам Джузеппе Бьянки для герцога Франческо III и его семьи.

⁵³ Cesare Battisti (1875–1916) – национальный итальянский герой, патриот, журналист, географ, политик.

вался из глубины своей варварской ярости в сердцевину аккуратной цивилизации реставраторов древних дворцов и современной подлости. Этот доисторический человек сумел гораздо лучше меня прочесть лекцию о футуризме трусам, окопавшимся в Скандиано.

Здесь, однако, подоспели пассатисты. Их много. Впереди подполковник Тузини, маленькая квадратная смоляная бородка, почти искусственная на смуглом нервном холерическом лице. За ним следует крепкий темноволосый сицилиец, лейтенант Траффиканте. Сумасшедший попятился, не переставая кидаться камнями. Его окружили. Он почувствовал стену позади себя. Это была минута колебания, когда уверенность оставила его. Все накинута на него, схватили, повалили на землю, почти придушили. Я устремился ему на помощь, в то время как на его лысую голову обрушились жесточайшие удары, вызванные испытанным страхом.

– Хватит! Хватит! Вы убьёте его!

Атлетичный капрал, ещё более безумный, чем несчастный сумасшедший, заткнул ему рот кляпом. Весь окровавленный, сумасшедший страшно выкатил глаза, не прося о пощаде; в это время солдат схватил его за горло правой рукой и торжественно заявил:

– Так будет со всеми сумасшедшими.

Я крикнул ему:

– Но умники вроде вас вызывают отвращение!

VI. Морская футуристическая экспозиция

Казарма Сан-Бениньо в Генуе обладала всеми недостатками казармы, однако, своей уникальностью, возможно, делавшей её единственной в своём роде, она была обязана тому, что её красная громада возвышалась на горном мысе Фаро. Итак, я завтракал, воспарив над окрестностями, на одной из террас: слева амфитеатр Генуи с её пылающими стёклами, посеребрёнными солнечными бликами шиферными крышами и висячими тропическими садами. Впереди открытое море, полное до краёв кобальтом; справа дымные гривы Сампьердарены⁵⁴; внизу порт, кишаший, взъерошенный и дымный.

Казалось, что я расположился на террасе фантастического итальянского небоскрёба. Там, внизу, порт энергично работал на мировую войну. Громадный рот Италии был разинут навстречу углю, который неустанно подвозили к нему караваны судов, избежавшие столкновения с субмаринами, этими микробами, снующими по морским венам-артериям.

Один из этих караванов смутно виднелся на линии горизонта. Горы угля, проглоченные поездами, приводили в действие силы, питающие фронт, багровеющий огнём. Внизу, подомной, беспорядочно перемешаны суда и поезда.

Поезда проникают между судов. Непринуждённая элегантная симметричность переплетений серебристых рельсов. Рельсы сверкают, как законы, повелевающие медлительными атоматическими поездами, окутанными революционными дымами. Тяжёлые баржи, зажатые в воде, покрытой угольной пылью. Их разгружают микроскопические человеческие фигурки, быстро переносящие на голове корзинки с углём, перебегающие по гибким колеблющимся подвесным мосткам. Люди, снующие взад и вперёд среди барж, и высокие, осыпанные блёстками горы угля. Потные обнажённые торсы тоже блестят.

Солнце повелевает сверху, управляет всем, как кроваво-красный механик с вращающимися золотыми руками, выдвигая антенны, подъёмные краны и электропогрузчики, движущиеся вдоль железных мостов, маслянисто катящиеся и переносящие на своих напряжённых плечах жадные металлические челюсти с углём.

Упорная солидарная воля войны заставляет вздуться бицепсы погрузчиков, гордо вращающихся на своём основании, вызывая неустанное патриотическое восхищение домов, окружающих порт амфитеатром.

Неистовое кипение солнечного золота среди кораблей. Спирали, фантазии, разветвления серовато-белых жемчужных дымов, приветствующие далёких бойцов.

Но нарастает давление моря, наполненного до краёв кобальтом и стремящегося перелиться через край дамбы: свежайший кобальт, отскакивающий от мола и брызгающий на мой воротник пулемётчика Сент-Этьен, дробящийся на синие осколки в стёклах последнего этажа Сан-Бениньо. Эти стёкла служат мишенью для пушек вероятного неприятельского отряда.

Напротив приближается и очерчивается в открытом море дружеский караван пёстрых судов.

12. Нет! 22. Остальные ещё прибывают. Их 29.

Солнце окрашивает их. Прыгают, извиваются, перекрещиваются цветные динамичные линии на их корпусах, мачтах и трубах. Они все закамуфлированы. Не имея возможности войти в переполненный порт, они располагаются длинной линией параллельно дамбе. Это зрелище наполняет меня энтузиазмом. Вид кораблей радует взгляд. Я кричу своим друзьям пулемётчикам, все вскакивают, все захвачены опьяняющей синевой открытого моря:

⁵⁴ Сампьердарена (Sampierdarena ит.) – район Генуи. Вокзал Генуи Сампьердарена расположен в Генуе в районе с таким же именем, на площади Монтано. Он был построен в 1863-м году.

– Вот первая великая футуристическая экспозиция! Открытый зал с 50 км. кобальтового пола. Двадцать девять гигантских картин и движущихся цветных пластических комплексов. Поглядите! Эта розовая линия первого корабля справа, эта изящная округлая линия наводит на мысль о женской груди, в то время как в действительности она скрывает его чрево. Настоящая грудь, окрашенная в тёмно-синий цвет, вздымается вдали, в синеве открытого моря... На втором корабле острый чёрный угол почти на поверхности воды заставляет думать о низком бушприте⁵⁵ небольшого парусника. Эти суда были закамуфлированы английскими судовладельцами по эскизам английского художника футуриста Невинсона⁵⁶, ученика и поклонника Баллы⁵⁷ и Боччони. Так итальянский футуристический гений, наложивший, посредством европейских экспозиций, свои динамичные ритмы и свои летучие краски на пластический английский интеллект, может победить тяжёлое нашествие немцев и их опасные субмарины. Каждый из преображённых таким образом кораблей вмещает 4 или 5 иллюзий, представляющих их средними или малыми судами, не заслуживающими внимания, обманывающими взгляд.

Художники футуристы на своих прежних полотнах отражали взаимопроникновение и синхронность линий и красок во времени и пространстве. Объёмы и краски внешнего-внутреннего, кажущегося-реального, далёко-го-близкого, цвета, веса, запаха, шума должны показать нам то, на что мы смотрим.

Художники футуристы, расписавшие эти огромные корабли, или пластически-плавающие комплексы, также хотели своими взаимопроникающими линиями и синхронностью цвета и формы, показать то, чего нет, скрыть то, что есть, вводя в заблуждение и издеваясь над субмаринами в засаде! Ах! Ах! Мы смеёмся, друзья, смеёмся от радости, потому что все символы гармонизируются и совершенствуются. Субмарины это ничто иное, как пассатисты этой грандиозной футуристической плавающей экспозиции. Критики полны злобой и завистью, они мечтают убить сверкающие блистательные творения гения новатора. Объяснять бесполезно! Солнце быстрее и красноречивее лекторов, оно самый яркий иллюстратор.

Вереница судов-картин остановилась в 3 км от Сампьердарены, в море. Давайте, друзья, посетим вплавь первую великую футуристическую экспозицию!

Полчаса спустя, все в купальных костюмах мы входим в море на пляже Коломбо, где ловят тунцов женщины и дети. Сотня спасательных кругов, чёрные купальные костюмы, красные шапочки. Мелькают и извиваются руки и ноги. Жирные изнеженные задницы. Дети бегут как мелкие звёздочки из плоти. Тысяча обезьян, обезьяниц и обезьянок. Женщины и дети хватаются за канат, они срываются под напором пенящихся волн, выжатые как фрукты, бананы, груши или финики, под огромной водной ступнёй, поднятой ветром. Прибой обрушивается на купающихся, как сладострастие на обнажённые нервы. Руками, тяжёлыми от пены, он катает, вымешивает, отжимает, толчет, намазывает эту пасту из робких и пугливых женщин, чтобы немного обучить их войне. В мощных белоснежных пальцах моря человеческая масса разбрызгивает закваску страха.

uuuuuuuuuu uu uu

uuu

uuu

ржание крики-и-и

⁵⁵ Бушприт, бугшприт (нидерл. *boegspriet*; от *boeg* – нос + *spriet* – пика, вертел) – горизонтальное либо наклонное рангоутное древо, выступающее вперёд с носа парусного судна. Предназначен для вынесения вперёд центра парусности, что улучшает манёвренность судна.

⁵⁶ Кристофер Ричард Винни Невинсон (англ. Christopher R. W. Nevins, род. 13 августа 1889 г. Лондон – ум. 7 октября 1946 г.) – английский художник. В период перед началом Первой мировой войны увлекается вортицизмом и футуризмом. Ещё во время учёбы в школе Слейд Невинсон знакомится и завязывает дружеские отношения с лидером итальянских футуристов Томмазо Маринетти и основателем английского варианта футуризма под названием вортицизм Уиндхемом Льюисом.

⁵⁷ Джакомо Балла (итал. Giacomo Balla; 18 июля 1871, Турин – 1 марта 1958, Рим) – итальянский художник, один из основоположников итальянского футуризма.

ви-и-изг

Человечество уступает чувственному напору стихий. Вот женщины и дети продвигаются вперёд со страхом-муже-ством, безумным весельем и истерическим ужасом перед ударами прибою... Хочу, не хочу, боюсь, страшно, бежим, останемся, давай покажем ему. Боже! Мои волосы!.. Я вся вымокла!.. Как холодно! Мне вода по сих пор! Отдаюсь тебе, вся открываюсь тебе, море, грубое, могущественное, вторгающееся, плотное, море лишаящее девственности, убей меня, возьми меня, море, война, убийственный героизм! Я боюсь, мне больно, ты слишком грубое, мне нравится, я тебя ненавижу!..

Аййй Аййй Дааа Дааа

Аааааааааа ииии

Мать делает шаг навстречу прибою, неся на руках пухлого круглого голого младенца. Кажется, что она собирается бросить его пинком, как футбольный мяч, в бурлящую, обрушивающую пену.

Тааарааджишиууу

джииии уууу

ужееее

Как свободна эта мать! Она кажется извращенкой. Это героизм, несомненно, и судьба вознаградит её, потому что её круглый карапуз кувыркается в волнах, скачет и вот он, здоровее прежнего, уже на песке. Мне хотелось бы чтобы Италия могла так же свободно бросить своих детей против врага, пенящегося яростью и вечной ненавистью как море.

– Друзья! – кричу я тогда, – выйдем из этой многоцветной палитры, в которой вместо красок женщины и дети и пенящиеся волны!

Вплыв мы бросаемся в серебристое слепящее кипение по направлению к кобальтовому залу футуристической экспозиции, которую собираемся посетить. Далеко там и здесь, справа, чёрные головы остальных посетителей. Чёрные шляпки, взъерошенные гребцами, напоминают чёрные расчёски с зубцами, поднятыми к небу. Они пытаются критиковать, спорить в гениальной полноте моря, как самоуверенные пузыри. Извергается живой серебристый огонь артистической радости. На гребне каждой волны воспламеняется идея. Чтобы быть более достойным и пропитаться возвышенным искусством, я карабкаюсь на трамплин и...

Патаплум Плуфф

джаааааааааа пены

Я плыву под водой с открытыми глазами, вижу сверху пылающий свод. Искры шума в ушах *блублиблубли блобло тлак тлок готт глуглу*.

Я всплываю. Извилистый свет футуристической живописи в каждой волне. Эластичные ткани фиолетовых, жёлтых, зелёных, голубых отражений. Они удлиняются, разветвляясь и синхронизируясь с небесными лучами.

Море – это палитра, перегруженная красками. Подобно живой кисти, мне хочется нырнуть внутрь, чтобы тоже написать картину.

Сначала я плыву по-лягушачьи. Создаю таким образом полную неразбериху линий. Затем вправо, я плыву по-матросски на боку, как женщины, создавая массу мягких исчезающих линий. Прыгаю влево и плыву по кругу, вращая левой рукой с правой рукой, протянутой вперёд. Я рисую на воде круг. Я кружусь, вращая попеременно обеими руками, но держа голову над водой.

Таким образом я рисую в море ещё два колеса перед первым колесом. Погружаюсь с головой в воду, вдвое ускоряя движения обеих вращающихся рук. Я познаю с радостью жидкий часовой механизм, рождающийся во мне.

Я вижу, что доплыл до красноты того судна, которое было замаскировано под пожар, закручивая эту голубую спираль вокруг трубы, как гигантскую пружину, на которой эластично пружинит облако, как привет от героического отца сражающемуся сыну.

Радость укреплять тело, совершенствуя его ткани, оттачивая мускулы, резко распрямляя спину и ударяя ногами, как рыба хвостом! Радость обретения извилистой мощи огромной рыбы-меча, прежде чем вернуться на фронт. Жерла вражеских пушек любят таких отважных рыб. Я сосу палец. Он свежий и вкусный. Пушечное мясо, должно быть, действительно сочное. Но фортуна улыбается большим смелым рыбам, питающимся как я – хорошим гигиеническим углём, который суда-картины-футуристы разбрасывают в море.

Крупными взмахами мы совершаем великолепный заплыв знатоков живописи. Вокруг каждого из многоцветных замаскированных судов смеётся жидкое покрытие, умножающее кипящую радость отражений. Кто может приобрести по-акульи эту бесценную картину? Вокруг розовых кораблей разбегаются тысячи отражений цвета женской плоти, как будто тысяча купающихся и аплодирующих женщин. Вокруг кораблей пурпурного и жёлтого цвета расходятся отражения в форме окровавленных разбитых витражей, а иногда целый Реймский собор погружается в воду. Солнце, уставшее от лекций и проецирования неба на грифельную доску, покидает зал великой экспозиции. Взгляд золотого пурпура, лоб и лысина ясного огня!

– Похоже на твою плешь! – кричит мой товарищ, плывущий рядом.

На солнечной лысине, подрагивая крыльями, расположились два гидроплана.

Мы возвращаемся, широко взмахивая руками, по направлению к нагромождению навесов, труб и лесу дымов Ансальдо⁵⁸. Мы плывём, как акулы на запах гигантской окровавленной плоти, которую, как кажется, пережёвывают доменные печи. Магнетизм стального потока. Ритм прессов и титанических молотов совпадает с нашими гребками, в то время как наши рты выплёвывают белую пену, как токарные станки выплёвывают серебристые опилки.

Погружаемся глубже в океанскую симфонию шума стали, сражающейся со сталью. Атаки и контратаки, бокс. Отвага стали, упрямство плавящихся колоссов. В запутанном пейзаже шумов уже почти стемнело, изредка ожесточаются огромные кнуты и лассо красного пламени. Я ощущаю присутствие тысяч новых зенитных орудий на станинах, с жерлами, обращёнными к небу, готовых к длинным прицельным плевкам зенитного огня.

Это новые ультра-динамичные кисти Баллы, чтобы переписать облака на заре. Я чую новые, уже построенные танки, и орудия калибром 37 мм, плотные, бронированные, ультра-синтетические, как футуристические книги.

Затем я вижу как возвышается сверхмощное орудие, удлинённая супер-пушка калибра 381 мм, которую предстоит перевезти из Венеции в Пулу⁵⁹ (130 км), совершенный символ итальянского гения, бьющий на огромном расстоянии.

⁵⁸ Ансальдо (Ansaldo ит.) – промышленное предприятие, расположенное в Сампьердарене.

⁵⁹ Пула (хорв. Pula, итал. Pola, словен. Pulj) – город в Хорватии, на западном побережье полуострова Истрия в Адриатическом море.

VII. 74-ка

Вы не знакомы с моей новой возлюбленной? Сейчас я её вам представлю. Имейте в виду, это фаворитка, исключаяющая всех остальных, возможно, она станет последней.

У неё нет имени, только номер, и это мне нравится, потому что память об одной Розине стирается воспоминаниями о другой Розине, об одной Марии – воспоминаниями о другой Марии. Мою новую возлюбленную зовут 74-ка, 7 и 4 будет 11, это моё заветное число, преследующее меня везде и всегда более или менее благоприятствующее мне.

У моей 74-ки железное, даже стальное здоровье, у неё великолепная, хотя и бронированная чувствительность. Она способна обидеть и убить. В то время как довольно трудно было бы смертельно ранить её. Я познакомился с ней вчера во дворе казармы Сан-Бениньо. Она ожидала меня, стоя рядом со своими семью подругами, похожими как родные сёстры. Однако со значительными отличиями. Все они были вооружёнными женщинами-бронемашинами глубочайшего зелёного цвета.

Но моя была самой лёгкой из всех, с самым сильным сердцем-мотором, а огонь её пулёмётной иронии не знал ни слабости, ни усталости. Судьба предназначила мне в подруги прекрасную 74-ку. Я сразу же поцеловал её в стальные бока и большое металлическое веко, а она поблагодарила меня полуоборотом своей башни, украшенной триколором. Тогда мне захотелось проникнуть в её сердцевину. Охваченная страстью, моя 74-ка приоткрыла сначала свою правую дверцу, затем свою левую дверцу, так что расположившись в центре её воли и овладев рулём её тайных помыслов, я вывел её на волю на хорошей скорости, спускаясь по извилистой дороге, ведущей к генуэзскому порту. Я ощущал радость, пульсировавшую в артериях моей 74-ки, когда, напевая, она везла меня. Это был не один солирующий голос, но целый оркестр, состоявший из хорошо интонированных голосов. Теперь я наслаждался томным жалобным пением её сердца-мотора, когда заставил её притормозить на спуске. Её радость росла, и вот уже флейты, *кларнетте*, *скрипки* аккомпанируют ритму колёс.

Возможно, у моей 74-ки есть недостаток; её бока слишком широки для того, чтобы умело лавировать в тесных улицах Генуи, ничего не задевая. Мне также приходится беспокоиться об её стальной заднице, действительно, надёжно вооружённой пулёмётом, как жалом. Лёгким поворотом руля я прошу её бока не задевать справа и слева трамваи и экипажи.

– Скорее! – кричу я ей, – я поведу тебя в Рапалло, навстречу моим бедным и дорогим боевым друзьям. Вечером мы будем танцевать, прекрасные женщины и песни при лунном свете, на море.

Удары сердца-мотора моей 74-ки ускоряются, и она отвечает мне как лошадь, *ржанием*, *ржанием*, *ржанием*.

Её радость выражается в демонстрации всех её достоинств. Вот *тр-тр-треск* тысяч весёлых воробьёв в её стальных суставах-рёбрах. Как сладко будет любить и страстно сжимать её в объятиях, или, лучше жить внутри её бьющегося сердца.

Однако, я устал наслаждаться ею изнутри, мне хочется осмотреть её мощные формы, скользящие сквозь тропические лучи послеполюденного зноя вдоль по улице Варацце.

Я передал руль своему водителю Менгини, обладающему в моё отсутствие всей полнотой власти над сердцем-мотором моей 74-ки. Я открыл левую дверцу. Затем устроился боком на сиденье, прижавшись спиной к его ременной спинке, и свесил ноги наружу, отвесно над морем оплеух, кулаков, морской пены и мстительных изумрудов.

Беспричинная безудержная радость, как от пружинящей скорости, на которой несётся по кругу наездница в цирке. Я чувствую, как морской горизонт охватывает меня безмерной любовной жадой. Моя правая нога тянется к незримому акселератору духовной скорости, левая нога опирается на наружную подножку.

Внизу подо мной взлетают массы белоснежной и газообразной пены. Микроскопическая купальня, притягивающая мои пропылённые мышцы. В косых солнечных лучах карминно-красная шапочка купальщицы. Я вижу, как она мелькает во влажной кристальной зелени с розовым отблеском голеней. Гибкая, легчайшая, но не такая лёгкая и гибкая, как моя 74-ка. Извилистая улица поворачивает, или, скорее, крутится от нашего стремительного слияния *тлантлантрин-трррр трррр*. Облако густой пыли, вращающиеся жаркие глыбы. Вихри, закручивающиеся между фасадов домов, увешанных раскалённым крылатым бельём. Исступлённая дрожь сопротивляющихся металлов моей 74-ки. Рельсы скользят, как клубок влюблённых угрей.

Встречные праздничные автомобили, настоящие увальни. Мы в Варацце⁶⁰, ура! Моя 74-ка встречает своих семерых сестёр, и мы возвращаемся в подразделение, исхлёстанные длинными закатными лучами, в безумной гонке на скорость по направлению к Генуе и Рапалло.

Каждый из моих семи товарищей пулемётчиков полагает, что его бронированная возлюбленная быстрее моей. Восемь стальных женщин соперничают, соперничают, соперничают, ускоряя ритм своих сердец-моторов среди тысячи препятствий, коварных теней, длинных и коротких отражений, красных томных взглядов встречных кабаков и проклятых фонарей железнодорожных переездов. Море бросается на дамбу внизу, под дорогой, с грохотом сокрушая любое препятствие. Орущая толпа пенистых красных потных волн-лиц, стремящихся увидеть, увидеть гонку обезумевших бронемашин. Моя 74-ка первой врывается в Геную. Великолепный ритм, владыка её сердца-мотора полностью подчиняется мне. Мы замедляем ход под тяжёлыми любопытными взглядами гудящих электрических лун. Однако пора отправляться дальше, по направлению к Нерви⁶¹, где море с болью отхаркивает на гальку слизь своих больных водоворотов, гонка возобновляется, стремительные стальные женщины бегут, напевая, готовые с радостью отдаваться мужчинам и овладевать бесконечно длинным, извилистым телом дороги с лесбийской мужественностью.

Сочная полная луна, сдирающая с себя облачную кожу на морском горизонте, притягивает нас.

Семь преследующих бронемашин пытаются обогнать меня на каждом повороте. Другим неведома тайна моего превосходства. Каждый из них умело справляется со своей возлюбленной, однако никто из них не достиг той степени совершенного слияния, связывающего теперь меня с 74-кой. Все механические расчёты отменяются неудержимым порывом, передаваемым мною усилием воли её сердцу-мотору. Мчатся, мчатся, мчатся, сообщая ускорение сотне других акселераторов, неизвестных и таинственных, рождающихся под моими ногами и под моими пальцами, в руле и в моей голове. Я больше не ощущаю завистливого давления остальных семи машин позади себя. Они отстали. Вот и обильная растительность Камольи⁶², посреди которой, в конце улицы над морем висит луна, прекрасная полнокровная и ароматная луна, в которую мы вонзаемся. Стоп. Я выиграл гонку.

⁶⁰ Варацце (итал. Varazze) – город в Италии на берегу Лигурийского моря, в провинции Савона. Популярное место для «дикого» пляжного отдыха и катания на яхтах.

⁶¹ Нерви (Nervi ит.) – бывшая рыбацкая деревушка, расположенная в 7 километрах от города Генуя, ныне курортный район.

⁶² Камольи (итал. Camogli, лиг. Camoggi) – коммуна в Италии, располагается в регионе Лигурия, в провинции Генуя.

VIII. Лунные экипажи высаживаются в Рапалло

Теперь мы всем подразделением можем постепенно замедлить ход, погрузившись в великую магию ночных запахов, между прозрачных воздушных лунных рук, колышущих бриз и умоляющих сады окунуться в море. Когда мы вступаем в сад Дома наслаждений, то высокая луна, вооружённая всем своим очарованием, уже завладела фантастическим заливом.

С высоты своей жемчужной палубы луна опускает в размягчённую воду длинную лестницу. Она тотчас же спустила в море свои белые шлюпки, сотворённые из сказочной мягкости кокосовых орехов. Лунные экипажи сходят на землю, поднимая в такт волнам длинные серебряные вёсла, потому что с них стекают влюблённые жемчужины и случайные взгляды блондинок, которые во сне всё продолжают смотреть своими жемчужными зубами. *Клик клок готт готт плик плок* под форштевнем. Томная дремота водной ткани текучих извивающихся тел, тающих под лаской скользящих лопастей.

У гребцов обнажённые тела, изваянные из живого серебра, однако точёные, без излишеств, пропитанные интенсивным светом, который не слепит, а напротив, обольщает взгляды. Их лица как серебряные миндалины, скользящие над изумрудами смотрящих глаз и скрывающиеся под зелёными водорослями.

Налегая вытянутыми руками на погружённые в воду лопасти, гребцы запрокидывают белые лица, на которые падают струи имматериального молока. Они пьют длинными глотками, затем быстро все вместе облизывают губы пылающими рубиновыми языками, огненными змейками на серебряном лице.

Безграничная нежность надавливает на лесистую гору, которая постепенно спускается до последних конусов, окружённых растительностью Портофино⁶³, ангельской ванны. «Идите сюда, сюда, горы, скалы, террасы и сады; в мягкой воде вы отдадитесь!»

В полном экстазе лунные экипажи затягивают низкими голосами песню, полную тихой меланхолии, которая поднимается, поднимается, поднимается, расширяясь, медленно останавливается, вновь падает, изнурённая. Но вот, внезапным скачком она вновь взлетает вверх, на это облако из тёплого ослепительного снега. Голос дрожит на белом длинном «до» с такой нежностью, что захватывает во сне сады, покоящиеся на море, и душит за горло деревья, пробудившиеся в мучительном желании заплакать. На длинных лунных шлюпках теперь подняты все вёсла, с лопастей стекают жемчужины в ожидании, что торжественное пение снова окончательно спустится со слишком холодных облаков в телесное лоно залива.

Дом наслаждений развратно простирает террасы и ступени, страстно изогнутые балюстрады, колючие алоэ, самоубийственные розы, обвивающие перила, и рамы, украшенные звёздами и отделанные морскими водорослями. *Шелееест, шуришаание*, голубиное *воркооование* волн на могилах, похищенных у кладбищ, и колыбелях, *привлечеченных* запахами *мооора*.

Сад удовольствий обещает волшебный праздник приглашённым. Под дубами и зонтичными пиниями оркестрик из нервов и волокон, дрожащие смычки стыдливости, кларнеты сонных стад, бубны-сердца, похищенные из детской груди, переключка соловьёв где-то близко, поскольку их колени слышны отчётливо.

И вот соловьи появляются из маленьких густолиственных туннелей и прививают алмазную кровь своего пения на разветвлённые артерии молчания, под пальмами, напоминающими о мечтательной душе Нила. Прибывают первые приглашённые: офицеры и солдаты-инвалиды. Они ступают в синкопированном ритме по скрипящему гравия аллей. Косые рывки и рванный ритм, страхивающий общий экстаз.

⁶³ Портофино (итал. Portofino) – небольшой рыбацкий город, находящийся в провинции Генуя.

Но их хорошо встречают, разливаются трели и веером рассыпаются звонкие жемчужины среди потока ароматов.

Ночные тени и силы лунной нежности не раздражают, но обволакивают тысячью ласк эти драгоценные человеческие тела, обглоданные алчущей битвой.

Некоторые показываются на круглых террасах, иллюзорных форштевнях с высокими флагштоками и спящими знамёнами. Они совсем иные, по сравнению с теми, кто раздувает, как мехами, кровавый огонь в наступательных потасовках.

Другие ходят, покачиваясь, как по зыбким мосткам, напоминающим об океанском пароходе. Каждый калека движется порывисто, будто преследуя свою утраченную конечность, которая, само собой, вовсе не спит вечным сном на прифронтовом кладбище, а, напротив, живёт преображённой жизнью имматериальной плоти в лунном кильватере. Там, наверху, в удивительной, упругой материи облаков.

Инвалидов встречают Тени и Запахи, развешивающие тягостные гамаки, спиритические диваны, подушки вздохов.

Мы лишь материальные и тяжёлые существа. Наши восхваления цельного человека диссонируют с неясной бархатистой учтивостью соловьёв, и волнами, расстилающими стонущие серебристые ковры для лунных экипажей.

Шелеест, шуршаание, голубиное воркоование волн на могилах, похищенных у кладбищ, и колыбелях, *привлечённых* запахами *мооря*.

Оркестр из нервов и страстных волокон провозглашает скользящее прибытие дам. Предусмотрительность великих вдохновенных портных, едва облёкших в легчайшие ткани подвижные женские тела, так что сладострастный аромат растекается вокруг, опьяняя зрячие ноздри ослепших на войне.

Соловьи просят дам танцевать. Те повинуются. Музыка, вся вихри и воздушные султаны, похищает женские тела. Слепцы поглядывают на них время от времени, затем наслаждаются луной. Тогда закинутые назад головы пьют белый огонь любви своими трагическими чёрными очками. Я думаю о водоворотах наслаждения маленьких тёмных рейдов, пьющих луну под покровом зарослей.

Мы заставляем танцевать прекрасных женщин, но не удерживаем их. Напротив, мы позволяем им пренебрегать нами. Все наперегонки похотливо флиртуют с инвалидами в благоприятных сумерках, на тайных лестницах и извилистых тропинках, выскальзывающих из тени и показывающихся в сиянии лунного залива. Станные пары, где гибкое тело юной женщины наслаждается мгновенной лаской, предпочитая ласкать искалеченное мужское тело, хромящее и шатающееся. Они протягивают единственную руку и не могут протянуть губы для поцелуя.

Жест женщины становится материнским, когда она ласкает серебряный подбородок, который луна мгновенно, с мягким механическим пылом соединяет с плотью. Смеётся кровь калеки в этом странном импровизированном цехе влюблённых металлов и плоти, мечтающей металлизироваться. Торс того лейтенанта берсальера поднимается с силой в полноте своей мужественности.

– У меня нет больше губ, – говорит он, – но в любви можно обойтись без поцелуя! Я плохо говорю, но могу петь и даже танцевать... Какая разница, если моему позвоночнику затем потребуется три дня кислорода, чтобы поправиться? Сейчас, когда лунные экипажи высадились, мне нужно танцевать, чтобы показать, что я способен любить тысячью неизвестных способов. Эти страстные ароматы кричат, как запах баллистита, обжигавшего на Карсо. Кричат героизм и любовь!.. Мы танцуем и поём. Это новая траншея, где, возможно, таится неприятельница, не доставляет нам боли, напротив, она питает нас своим наслаждением. Если это продлится, то я излечусь! Даже мои губы возродятся! Мы танцуем, поём вместе!

*Это знает каждый, и вы отлично знаете,
почему мы носим с собой радость.
У нас пылающее сердце и молодость,
пылающее сердце и молодость,
даже если мы ходим на костылях.
Кто вы такие?.. Мы банда,
потому что мы любим девчонок,
игристое вино и море в Рапалло!*

Инвалиды пели. *Шелееест, шуришаание*, голубиное *воркооование* волн на могилах, похищенных у кладбищ, и колыбелях, *привлечённых* запахами *моооря*.

Трое калек танцевали, стараясь придать изящество жестам, пряча в волосах дам свои рассечённые, или обезображенные взрывами лица. Двое других в элегантной и аккуратной форме, без ноги по самый пах, поднимались, и на костылях пытались выстукивать странный ритм морской барабанной дроби. Альпино⁶⁴ попросил у меня разрешения пройти вперёд, танцуя, поскольку каждый раз его пустой рукав слегка касался лица дамы, сидевшей рядом со мной. Это была миланская синьора: большие ясные детские глаза и пухлый, всегда смеющийся рот под тяжёлыми белокурыми волосами и покрытым каплями пота лбом. Она добрая, умная, полная непонятной снисходительности и доступности в своём разнообразном флирте. Она была страстно влюблена 5 лет назад; потом жизнь их разлучила. Мы большие друзья. Я говорю с ней от сердца к сердцу, и она мне отвечает с абсолютной искренностью.

– Я обожаю танцевать, но я никогда прежде не испытывала такого наслаждения, как тогда, когда танцевала с лейтенантом берсальером с серебряной челюстью. Я невысокого мнения о себе: я кокетка, быть может, даже что-то похуже... но ты пойми меня... Я была так счастлива, когда он сжимал меня в объятиях. Мы даже были с ним там, внизу, на берегу. Он пытался поцеловать меня в грудь, я ему позволила. Когда вы так легко одеты, как мы сегодня, господин, то очень легко поддаться. Он, должно быть, так несчастен, бедняжка!..

*... До тех пор, пока не вспыхнула война,
Рапалло спал в молчании,
но как только прибыла банда,
молчание и покой исчезли отсюда.
Кто вы такие?.. Мы банда,
потому что мы любим цветы,
голубое небо и море в Рапалло.*

Я подружился с капитаном альпийских стрелков, балагуром и бабником, без ноги и правого бедра. Этим вечером он точно забыл о своих утратах.

Я сказал ему, что моя белокурая подружка положила на него глаз, и он, приблизив ко мне вплотную лицо, прошептал с видимым удовольствием:

– Я это заметил... Когда мы сидели вместе с ней там, внизу, у воды, я взял её за руку и положил её на своё металлическое бедро. В самом деле, я заметил мгновенное движение, как будто её маленькая рука обожглась, дотронувшись до него. Так со мной случалось не раз. Издержки нашей работы. Ах! Ах!.. Я тотчас же исправился, положив руку женщины чуть выше.

Она смеялась, смеялась детским смехом, не поминая лихом войну, потому что она даровала ему этой ночью наслаждение. Затем, он опять запел:

Наддай, оркестр!..

⁶⁴ Alpino (ит.) – альпийский стрелок, солдат горнострелковых войск.

*Когда мы проходим, вы смотрите на нас
и говорите, что мы все безумцы,
но вы прощаете наше безумие,
потому что мы, хотя и сумасшедшие,
но всё же герои.
Кто вы такие?... Мы хромые,
Кто вы такие?... Мы калеки,
потому что мы создали Италию
из своей крови и юности.*

Моя подружка подаёт мне руку и шепчет:

– Давай пойдём туда.

– Ты заставишь страдать бедного лейтенанта.

– Не беспокойся; я потом вернусь к нему. Сейчас я хочу быть с тобой. Ты не калека, но мне немного страшно видеть, как ты отправляешься на фронт. Между нами ничего нет, но знай, что я тебя всегда люблю. И этим вечером я безумно, безумно, безумно желаю, чтобы эта священная война закончилась. Ты видел этих бедняг, как они искалечены... Ты знаешь, что я хорошая патриотка, но я не понимаю, не могу допустить, сколько бы я ни старалась, необходимость этого вечного, жестокого кровопролития.

Я закрыл рот моей подружки долгим поцелуем. Так-то оно лучше, поскольку я предвидел её длинную антивоенную речь и предпочёл слушать более красноречивое и страстное выступление луны перед своими роскошными серебряными экипажами, резво гребущими в жемчужных водоворотах:

– Оставь, душа, – пела луна – ушедших, забудь успокоенных. У тебя есть сладкая наливка, растворяющая любой гнев, любую жестокость; у тебя есть бальзам, усыпляющий обиду. Каждый раз, когда мне хотелось остановить войну, достаточно было заполнить траншеи благодатным молоком моего света, и тотчас часовые на вышке склоняли головы, отяжелевшие от сна и от нежнейшего пессимизма, забывая вражеские дозоры в засаде. Неприятельские пулемёты беспокоили их не больше, чем ночной телеграфный аппарат, или собачий лай. Я излучаю совершенный нигилизм, полный распад и все мягкие уступки, дрейф нескольких слабых потоков поцелуев, алкоголя, лени, или сновидений. Я одна выиграю войну ночью, когда медленной лаской потушу солнечную кровь человека, вынуждая его пренебречь последней агрессивностью соития, отказаться и только мечтать.

– Ты расслышала, дорогая подруга, аргументы луны в защиту всеобщего вечного мира? Они подчинены, как и твои аргументы, истреблению жизни. В далёком прошлом человечества мы видим, как ожесточённые народы подносили богам окровавленные трупы. Потом иудейский бог также питался человеческой плотью. Земля в своём беспорядочном кружении обладает доминирующими, запутанными и с трудом поддающимися расшифровке силами, которые мы пытаемся определить такими бесполезными словами: весна, юность, героизм, восходящая воля народов, революция, научное любопытство, прогрессивное стремление, цивилизация, рекорд. Все эти Силы, несомненно, теллурические, обожают человеческую кровь, то есть борьбу, необходимость взаимно разрушаться, что символизируют пенные морские волны. Эти Силы управляют самым активным большинством огромного человеческого муравейника. Большинство диких и неумолимых инстинктов кровавы в большей или меньшей степени.

Менее активное, или более усталое, или старое, или раненое меньшинство создало чистые идеи, чистые чувства, безграничную доброту, сладчайший мир, человеческую любовь и другие сладкие спокойные абстракции, которые, переваливая через суровые горы желаний и дремучие леса честолюбия, должны были бы наконец умиротворить все народы, при-

дав им мягкий ритм, такой, как у этого влюблённого и верного луне залива. Беспокойная и инстинктивная часть человеческого муравейника часто бывает обессилена и разочарована своим жестоким и кровавым движением. Она останавливается и наслаждается в опьянении сладкой чувственной ленью, которую благоразумное меньшинство запускает в небо, и которая уже правит на поверхности Земли. Но остановка бывает краткой, Силы агрессивного сладострастия и жестокой весны вновь преследуют юное и мужественное большинство. Более яростный, чем когда-либо раньше, вновь звучит ритм разрушения и смерти, и если мелочных споров недостаточно, то безграничные абстракции добра и мира понимают с полуслова и поднимают знамя новой бойни. Одни бросают массы в бойню, истребляя людей, чтобы истребить войну! Другие устремляются к аэропланам, уверенные, что смогут преодолеть все атмосферные слои и состязаться со звёздами. Вообрази, моя милая, что здесь, на этом заливе, четверо или пятеро авиаторов уже подготовили свой летательный аппарат с шумящими винтами для великой гонки. Представь себе их диалог.

– Мы должны, – говорит один из них, – хотя бы ценой жизни подняться на высоту в 20 км, выиграть или умереть, друзья!

Затем вполголоса своему верному механику:

– Ты продырявил бак у другого аэроплана?

– Да, – отвечает механик, радостно глядя на него. Через час ваш конкурент упадёт в море.

– Спасибо, я уверен в победе, другие меня не пугают.

Итак, аэропланы, участвующие в великой всемирной гонке, устремляются в небо, где им является Раввин из Галилеи с трагическим лицом, более бледным, чем у распятого на Голгофе. Его глаза, в отчаянии возведённые к небу, смотрят с бесконечной добротой и безутешной болью на Отца отцов, властелина космических сил, молча начертавшего огромный красный крест на тёмном лике небесной лазури. Раввин говорит, плача:

– Отец, ты передал мне семя божественной доброты и абсолютного прощения, а также ещё более драгоценный дар беспредельной любви, но они хотят только убивать или долго мучить друг друга, чтобы полнее насладиться вкусом крови. Само имя доброты они превратили в кошмар – и не желают остановиться. Их сила приносит смерть. Их любовь кровотоцит. Ребёнок, появляющийся на свет, заливают кровью в своём стремлении к жизни. Его целомудренную сестру завтра зальёт кровью мужчина, так весна бичует нас своими прекрасными гибкими душистыми розгами. Отец, ты создал любовь: и ради любви они воюют. Ты даровал им мечту о доброте, но она взорвалась, извергая, как вулкан, воинственную лаву. Если ты хочешь, чтобы вечная чистая любовь, тихая доброта и сердечный мир воцарились наконец, то расколи, расколи землю, уничтожь её без сожаления!

И Раввин высоко в небе заплакал, показывая обеими раскрытыми руками, как пламенеют человеческие раны. Но луна кричит Раввину с длинным резким стеклянным перезвоном:

– Нет! нет! Не раскалывай землю! Она моя! Я буду укачивать и баюкать её, чтобы затем нежно вскрыть ей вены. Она станет бледной, как я, и наконец успокоится в бесконечном чувственном наслаждении!

Тем временем внизу, на берегу, лунные экипажи всходят на борт. Вёсла возобновляют своё тяжёлое медлительное пенистое *шуршаание, шуршаание, шуршаание*, голубиное *воркоование* волн на могилах, похищенных у кладбищ и привлечённых запахами моря.

Исчезают один за другим, удаляясь в сторону лунного кессона все серебристые кильватеры, белые шлюпки и широкие душистые сети, полные золотых извивающихся рыб.

Подруга склонилась ко мне на плечо, меня сморил сон; однако инвалиды вновь разожгли своими поднятыми костылями оркестрик из нервов и волокон, мяукающий, орущий, рыдающий на верхней террасе, как тысяча влюблённых котов.

Лейтенант берсальер шагал, пошатываясь и распевая:

– Безумный вальс, безумнейший из вальсов, мы требуем!

Это слишком медленно! Разобьём фортепиано!

Ударом кулака он повалил на землю пианиста и принялся колотить по клавиатуре руками и ногами. Ударом ноги он выбил педаль и пытался выстукивать жуткий вальс, ударяя, время от времени, бемоли своим серебряным подбородком. Последние ироничные лунные блики создавали между ним и клавиатурой белоснежные всплески африканской реки, из которой сотня слонов пили воду, погрузив в неё серебряные хоботы, хрипящие как органные трубы.

– Нужно чтобы Весна взорвалась внутри фортепиано. Я ощущаю в крови, и вы тоже, дорогие калеки, вы тоже ощущаете в крови дьявольскую Весну, тысячу экваториальных вёсен. Африка вспыхивает у меня на щеках и раскаляет мой подбородок! Если бы он не был серебряным, то давно уже расплавился бы!

Вокруг выплясывали инвалиды, все, некоторые на четвереньках, как медведи, другие на костылях, среди них были те, кто балансировал на одной ноге. Остальные убежали в заросли, как дикие звери.

Снаружи террасы один из них, более пьяный чем другие, на качелях, в обнимку с полураздетой женщиной качался, качался, серебрясь в лунном свете среди ветвей. Как будто сверхъестественное шампанское ударило им в голову. Женщины тоже обезумели. Прекраснейшая девственница разлеглась в нескольких метрах от них, между двух розовых кустов, по желанию альпийского стрелка, инвалида без обеих рук, он, действительно, пожирал её лицо поцелуями, впечатывая свою любовь между её грудей повторными ударами своего торса.

Час спустя, стоя на пороге Дома наслаждений, я кричал своим друзьям:

– Скверно, очень скверно! Мы на самом деле отравлены, отравлены лунным светом. Нужно немедленно принять здоровый бешеный напиток Скорости. Сто высосанных дорог! Айда в Кьявари⁶⁵ на полной, полной, полной скорости. Лучше гонки может быть только прыжок в воду.

– Ах! ах! – закричали все, – но там ведь повсюду железнодорожные переезды, повозки, телеги, собаки и малые дети!

– Вовсе нет! Все ещё спят, мы преодолеем любое препятствие, мы станем железным ветром, пулями, молниями, мы не перестанем вдыхать воздух опасности, душить смерть в зародыше и выйдем из всех передраг невредимыми!

Все по машинам. Моя 74-ка в голове колонны. Я полностью контролирую движение. Моя 74-ка наслаждается. Она несётся, несётся, охваченная сильной дрожью. Гудит счастливый карбюратор. Свечи зажигания исключительно чистые. Великолепный ритм. Страстные, ликующие точные удары. Я ощущаю в переключении скорости любовное слияние, как в поцелуе. Соитие. Полёт. Скольжение. Рывок. Мягкая сила. Восторг обладания. Нежная агрессивность колёс. Танцующие воздушные шины. Прирученные, крайне дисциплинированные газообразные смеси готовы на всё, поскольку мы несёмся, несёмся, несёмся, несёмся внутри модулированного маслянистого потока, опьянённого бегом, почти жидкого и, тем не менее, металлического, лёгкого и одновременно цепкого. Я послушен дороге, но как мужчина, который овладевая, как будто подчиняется ритму прекрасной женщины. Благословенная принимающая меня дорога, белеющая в ознобе первых лучей, тревожно дрожащих в массивной тени гор, выходящая вдоль бесконечной шелестящей морской кромки, играющей как стая белых котов, мяукающих, ударяющих мягкими лапами, с отскакивающими от усов брызгами, скачущих в серебристой материи, похищенной у лунных парусов. Нестись, нестись, погружаясь в темнеющую растительность.

Быть может, мы пронзаем сердцевину ночи?

Моя машина вырывается вперёд. Мягкая, промасленная, она нежно проникает в лоно этой долины. Рассветает, как будто свет льётся из раскалённого сердца моего мотора.

⁶⁵ Кьявари (итал. Chiavari) – коммуна в Италии, располагается в регионе Лигурия, в провинции Генуя.

Ещё один нырок в предпоследний туннель... Бесконечный... Кажется, что я мчусь сквозь опьяняющее, давящее, лопающееся от напряжения бутылочное горло. Мой мотор тянет хорошо, хорошо. Мы вырвемся, вырвемся, должны вырваться! Я откупориваю бутылку длинной и чёрной долины, надавливая своими неустойчивыми пальцами-шинами. Штопор сильнее внутрь! Вперёд!вперёд! Внутрь. Вперёд! Готово!

Выстреливает вверх красная пробка, солнце! Всё вокруг, холмы, долины, море залито пеной ослепительного света. Мы тоже несёмся, скользим, пенемся, залитые испаряющимся красным золотом, в благоухании каучука, напоминающего запах горячего хлеба. Радостное божественное зрелище. Солнце, мгновение назад бывшее весёлой пробкой, сейчас превратилось в огромное круглое и опухшее лицо выпивохи. Жаркое металлическое лицо, плавящееся с солью, йодом, бромом, полнокровное и жизнерадостное.

У солнца между зубов дымится огромное чёрное облако, отбрасывающее вниз, на море, пенящуюся зелёную отливку. Мощный поток его шумного смеха растекается в огородах между помидорами, и в крови наших сердец, одержавших окончательную победу над золотыми яблоками Гесперид⁶⁶, потерпевших поражение самым идиотским образом.

⁶⁶ Согласно Ферекиду, когда Гера выходила замуж за Зевса, Гея подарила ей золотые яблоки. Гера посадила их в саду богов у Атланта, а так как дочери Атланта воровали их, она поставила змея, по имени Ладон, их охранять. У него было сто голов, а две сотни глаз постоянно следили за яблоками. Яблоком было три. По рассказу Диодора, разбойники, посланные египетским царём Бусиридом, похитили Гесперид, когда те играли в саду. Сев на корабль, разбойники отплыли недалеко и высадились «на каком-то мысу», чтоб устроить пиршество. Геракл прибыл туда, перебил разбойников, а девушек отвёз к отцу. В благодарность Атлант отдал ему яблоки.

IX. Отвратительная каптёрка

В Генуе праздник в честь американцев. Звук труб, толпа, толпа, толпа. Переполненные балконы, безбрежная разливающаяся весна женских туалетов, уличные мальчишки, облепившие капители.

Выдвигаются англичане. Элегантнейшие. Впереди молодой денди – лейтенант со стеклом под мышкой. Американский духовой оркестр производит фурор. Капельмейстер играючи поднимает вверх длинный серебряный жезл. Несколько раз переворачивает его и вращает вокруг себя, как будто желая облечься в одеяние из стремительно крутящихся серебряных колец. Затем устремляет его вперёд, имитируя движение поршня. Итальянское солнце звенит, отскакивает, отражается в алюминиевых трубах, стремится отполировать и приукрасить этих людей, явившихся из-за океана со своим далёким пацифизмом, чтобы воевать во имя грозной свободы. Солнце вступает в полемику с пацифистами, окрашивая их с мстительной справедливостью кроваво-красной ковбойской весны.

Они проходят между двумя рядами толпящихся пёстрых людей, с детьми, выскакивающими из-за оцепления карабинеров. Улица пустеет.

Это незримые силы, благодаря которым она, укрытая дождём из цветов и сердец, сыплющихся с балконов, кажется пустой.

Эти силы внушают всем бессознательное восхищение воинской доблестью и безусловным героизмом этих новых солдат, присоединившихся к множеству других, готовых спуститься туда, вниз, чтобы выполнять необходимую работу артиллеристов.

Американцы имеют вид импровизированных солдат. Упругий шаг краснокожих. Они сражались на Далёком Западе за свободу своего угнетённого народа. В Европе они представляются дерзкими и быстрыми, проворными и осторожными, бархатисто краснокожие среди лиан и высокой травы.

Мы следим за шествием обычных американцев с сияющими лицами. Они фонтанируют, шагая в ритме Cake-walk⁶⁷. Поскольку я чрезвычайно впечатлителен, то моё сердце подвергается воздействию пиццикато⁶⁸ моего экстравагантного воображения, мне представляются огромные массы американцев, взбудораженных европейскими чувствами во вместительных чашах далёких городов. Я вижу массы американцев, устремляющихся по направлению к портам, заполняющих огромные суда, и на этом Вотерленде⁶⁹, вмещающем 12.000 солдат, пересекающих длинные монотонные абстрактные пространства Атлантики, чтобы затем потечь рекой в итальянские города и там уже разветвляться в трубки траншей под обваливающимися железными потолками в битве народов.

Комок подкатывает к горлу при мысли о ясном и сознательном участии моего солдатского тела и моего вездесущего разума в этом историческом слиянии в европейском тигле.

На просторной арене разворачивается постановочное сражение. В центре удобно, как паша, рядом со своим оборудованием устроился киношник, в то время как все по-армейски стоят. Символ фальшивого гения литератора, типа Ромена Роллана, который смотрит, контролирует и заслуживает авиационной бомбы. Фотограф направляет свой аппарат, накрыв хребет накидкой из чёрного блестящего шёлка. Он напоминает быка с выставленными рогами и рас-

⁶⁷ Кекуок, кейкуок (англ. cakewalk, букв. «прогулка с пирогом») – танец под аккомпанемент банджо, гитары или мандолины с характерными для рэгтайма ритмическими рисунками: синкопированным ритмом и краткими неожиданными паузами на сильных долях такта.

⁶⁸ Пиццикато (итал. pizzicato) – приём игры на смычковых струнных музыкальных инструментах, когда звук извлекается не смычком, а щипком струны, отчего звук становится отрывистым и более тихим, чем при игре смычком.

⁶⁹ От англ. Waterland (букв. «водная земля»).

ставленными задними ногами. Или просто вредный или бесполезный критик военной стратегии.

На сцене появляется компания итальянских курсантов-капралов. Безупречное равнение. Геометрия линий. Все торсы совершают возвратное движение, как будто тянут канат. Все торсы движутся вперёд, как будто устремляются куда-то. Видно как слаженно, на одинаковом расстоянии двигаются белые обшлага, руки загребают воздух с изумительным параллелизмом.

Крууу-гом! Молниеносно, без колебаний, повернулись. Отступления на каблуках постепенно, кажутся арпеджированными и модулированными, как лёгкий прибой, накатывающий на прибрежную гальку. Гибкость движения ещё более увеличивает сходство всей компании с проворной волной.

Героическая и очень человечная Зазё с энтузиазмом лает, чтобы продемонстрировать, что все живые существа любят военные ритмы.

Волной аплодисментов встречают американцев. Они входят и располагаются по всему диаметру арены. Снимают куртки и начинают великолепную гимнастику с волнообразным движением высокой травы под ветром и соответствующими легчайшими бороздами, то появляющимися, то постепенно исчезающими.

Энтузиазм пока что официальный. Солнце требует зрелища борьбы, и вот наши тяжёлые и громадные горные батарейцы перетягивают канат вместе с американцами. Первый пробный прорыв. Второй более решительный. На третий раз артиллеристы одним ударом отбрасывают американцев, патриотически зарывшихся в землю.

Истощный крик – Да здравствует Италия! – сводит с ума Заза, лающую из люка моей 74-ки. Постановочное сражение начинается с горных пушек, мулов и компании пулемётов, перекрывших улицу. Однако подразделение триумфально шагает, все остаются невредимыми под грохот, грохот, грохот, *гууул, гууул, гууул* фальшивой канонады доблестных генуэзцев.

В вышине солнце, ангорский котик с золотой шерстью, облизывает золотые усы, предвкусывая неминуемую гибель большей части этих молодых мускулистых и здоровых людей, которые уже научились маскировать свои кровожадные инстинкты новыми идеалами.

24 июля генуэзская толпа теснится на площади Сан-Бениньо вокруг нашего 8-го подразделения бронемашин. Они все в цветах. Каждый командир подразделения вытянулся по стойке смирно в 3-х метрах от своей машины. Полковник поручил мне произнести благодарственную речь в честь генуэзских дам, организовавших прощальный праздник и осыпавших подарками солдат и офицеров, отправляющихся на фронт. Раскалённый полдень. Генуэзский порт щетинится отражёнными лучами, в то время как солнце свирепствует, вонзая в груды угля свои раскалённые кинжалы.

Синие веера открытого моря не освежают наших пылающих лиц. Экспозиция футуристических картин и пластических комплексов беспорядочно громоздится в порту, в неразберихе и переплетении пёстрых полос.

Флавия Стено⁷⁰ говорит от имени генуэзских дам со сдержанным красноречием, не торопясь живописать героические лишения и ужасы войны, ожидающие моих солдат.

Солнечная лава перетекает по невидимым трубам в моё сердце, это сообщающиеся сосуды. Мой энтузиазм растёт, достигая уровня солнечного энтузиазма, и вместе с ним выплёскивает блестящий синтез стоящих перед нами проблем.

Так как итальянские патриотки страдают излишней плаксивостью, а другие, настроенные не столь патриотично, жалуются на трудности военного времени, то мне хочется говорить с итальянскими женщинами без всяких церемоний, показывая им, что обстановка казарм и кап-

⁷⁰ Флавия Стено (Flavia Steno ит.) урождённая Амелия Коттини Оста (Amelia Cottini Osta ит.) (Лугано, 26 июня 1877 – Генуя, декабрь 1946) – итальянская журналистка и романистка, бывшая очень популярной в начале XX в.

тёрок настолько поражает своим кренинизмом и трусостью, что по сравнению с ними окопы покажутся раем.

Я страстно говорю в напряжённой тишине, в то время как древние колокола раскачиваются вверх и вниз, как пьяные женщины, шуршащие юбками на качелях.

– Женщины Италии, вы, в чьей крови кипит ненависть к врагу, которого мы победим любой ценой, не плачьте над нами. Мы, новые итальянцы, гораздо выше, спокойнее, героичнее своих предков, мы научились переносить военные лишения!.. После 20-ти дней окоченелой, серой, удушливой, вшивой казарменной жизни мы будем счастливы отправиться на фронт. Мы презираем окопавшихся в тылу, любящих каптёрку, потому что мы, новые итальянцы, после 3-х с половиной лет войны остаёмся неутомимыми и исполненными физиологического и морального оптимизма. Вы знаете, что такое каптёрка, каптёрка вызывает у нас отвращение, отвращение, отвращение!

Шум, гул, возбуждение в группе старших офицеров.

– И вы, женщины, так называемые итальянки, жалующиеся на недостаток сахара, вы никогда не интересовались в своей безграничной глупости, достаточно ли у вас в башке соли для жизни? Помните, что мы продолжаем воевать и одержим победу в этой войне, защищая и спасая, таким образом, не только свободу мысли и духа в мире, но также любую гибкость и шик, к которым вы так привыкли, ваши наряды и ваши дома от профессорской тяжести, неповоротливости и гротескной немецкой нелепости!.. Я вижу в вас больше чревоугодия, чем любви к элегантности, причём тем больше, чем ближе время завтрака. Чтобы отблагодарить вас за ваши цветы, о псевдо-итальянки, мы, возвращаясь после победы, привезём вам кое-что, что заставит вас перестать жаловаться на недостаток масла... Мы притащим вам жирные австрийские трупы для ваших тартинок!.. До скорого.

По-видимому, нашему восьмому подразделению была предуготовлена высокая и славная участь. После великой победы, одержанной при Пьяве 15 июня, верховное командование тщательно разработало план генерального наступления, в особенности, с участием быстроходных войск, которые должны были совершить молниеносный бросок в первый же крупный прорыв на немецком фронте. Бронемашины, вместе с берсальерами-велосипедистами и кавалерией входили в состав этих быстроходных войск, однако, командование, по традиции, придавало огромное значение кавалерии и признавало минимальную и сомнительную значимость за бронемашинами. В военных кругах не верили в устойчивость брони не только к осколкам снарядов, но даже к пулемётному огню. Что может поделать бронемашина с пробитыми шинами? Каким образом можно будет использовать её быстроходность в случае разбитых дорог и переходов вброд?

Все эти возражения давили на нас, в то время как всё складывалось в пользу нашей скорой общей и личной победы. Действительно, 25 июля поступил приказ всему 8-му подразделению погрузиться в поезд. Мы бережём свои машины, которые, подобно гоночным Фиатам, должны прибыть на поле боя в абсолютной целостности и сохранности. По прибытии к месту назначения 8-е подразделение сразу же должно пройти проверку готовности в серии кратких манёвров совместно с кавалерией и берсальерами-велосипедистами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.